

ISSN 2411-6122

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Научный журнал

2017

Выпуск 1 (15)

*Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»*

*Адрес редакции и издателя:
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11*

ISSN 2411-6122

SIBERIAN CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC READINGS

Scientific journal

2017

Issue 1 (15)

Founder and Publisher
State educational establishment of higher education «Baikal State University»

Editorial board's address:
11 Lenin st., Irkutsk, 664003, Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ли Гоцян** — профессор, института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- Ван Чжи Хуа** — Председатель института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- В.А. Азаров** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.
- Е.П. Ищенко** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация.
- Н.П. Кириллова** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
- Г.А. Василевич** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.
- О.И. Андреева** — доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
- Е.В. Смахтин** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Суходолов** — доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*гл. ред.*)
- А.А. Протасевич** — доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*зам. гл. ред.*)
- И.В. Смолькова** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*науч. ред.*)
- И.Г. Смирнова** — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*отв. ред.*)
- Д.А. Степаненко** — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, г. Иркутск, Российская Федерация
- В.Н. Китаева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*выпускающий ред.*)
- М.С. Дунаева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Н.Ю. Литвинцева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Р.В. Мазюк** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- О.А. Егерева** — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

THE EDITORIAL COUNCIL

- Li Gotsyan** — Professor, Institute of Comparative Jurisprudence, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Wang Zhi Hua** — Chairman of Institute of Comparative Law, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Vladimir A. Azarov** — dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
- Evgenii P. Ishchenko** — dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation.
- Natalia P. Kirillova** — dr Sc (law), Professor, the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Grigirii A. Vasilevich** — dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of a Constitutional Law of Law Department, the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.
- Olga I. Andreyeva** — dr Sc (law), the Associate Professor, the Head of Chair of Criminal Procedure, Public Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Activity of Law institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
- Evgenii V. Smakhtin** — dr Sc (law), the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of State and law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

THE EDITORIAL BOARD

- Aleksander P. Sukhodolov** — dr Sc (econ.), Baikal State University, Rector, Irkutsk, Russian Federation (*Editor-in-chief*)
- Aleksander A. Protasyevich** — dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, the Head of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Iraida V. Smolkova** — dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Irina G. Smirnova** — dr Sc (law), Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Diana A. Stepanenko** — dr Sc (law), Professor, Deputy Director for Science, Russian University of Justice, Moscow, Russian Federation, Russian University of Justice (East Siberian branch), Irkutsk, Russian Federation
- Valentina N. Kitayeva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Marina S. Dunayeva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Nanalija Yu. Litvintseva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Roman. V. Mazyuk** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Olesya A. Egereva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

Бородинова Т.Г. Приговор: понятие, сущностные черты и виды	7
Бурмагин С.В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи.....	13
Великая Е.В. Проблемы постановления заочного приговора	21
Габдрахманова Е.С., Алешкин М.С. Постановление обвинительного приговора военными судами: некоторые проблемы теории и практики.....	31
Григорович В.Л. Понятие и система криминалистических средств и методов предупреждения общественно опасных деяний, собираения и исследования доказательств.....	35
Гусева И.И., Зубков В.Н. Постановление приговора — некоторые проблемы и возможные решения	44
Дёмина М.Л. Значение судебных экспертиз с участием психолога в принятии судебных решений.....	52
Евстигнеева О.В. Справедливость как требование, предъявляемое к приговору	61
Качалова О.В. О судебном приговоре: анализ ключевых положений постановления Пленума Верховного Суда РФ	69
Корнакова С.В. Соблюдение правил и законов логики как необходимое условие качественного результата следственной и судебной деятельности.....	74
Корягина С.А. Актуальные проблемы назначения принудительных мер воспитательного воздействия	82
Кузовенкова Ю.А. Некоторые вопросы постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства.....	89
Лавыгина И.В. Неоднозначные положения в приговорах суда по уголовным делам об экологических преступлениях	97
Марковичева Е.В. Обоснованность и мотивированность приговора, постановленного в отношении несовершеннолетнего... ..	106
Морозова К.Н. Реализация принципа справедливости наказания в судебном приговоре.....	113
Осодоева Н.В. Значение судебного следствия при постановлении приговора.....	121
Пашутина О.С., Козявин А.А. Требования, предъявляемые к приговору суда, через призму нормативного регулирования и правоприменения	127
ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ	136

CONTENT

Borodinova T.G. Verdict: concept, essential features and types.....	7
Burmagin S.V. Compliance of judicial sentence with internal conviction judge.....	13
Velikaya E.V. Problems of the resolution of the judgment by default.....	21
Gabdrahmanova E.S., Aleshkin M.S. Court-matrial conviction: some theoretical and practical aspects.....	31
Grigorovich V.L. The concept and system forensic tools and techniques for the prevention of socially dangerous acts, collection and examination of the concept and system forensic tools and techniques evidence.....	35
Guseva I.I., Zubkov V.N. The sentence — some problems and possible solutions	44
Dyomina M.L. The importance of forensic enquiry involving a psychologist in judgement.....	52
Evstigneyeva O.V. Justice as the requirements for sentence.....	61
Kachalova O.V. About court sentences: analysis of key provisions of Resolution of the Plenum of the Supreme Court	69
Kornakova S.V. Compliance with the rules and laws of logic as a necessary condition for the quality of the result of the investigative and judicial activities.....	74
Koryagina S.A. Actual problems of imposition of compulsory measures of educational influence.....	82
Kuzovenkova Y.A. Some questions of the resolution of the sentence in the special order of judicial proceedings.....	89
Lavigina I.V. Ambiguous provisions in the court verdict on criminal cases about environmental crimes.....	97
Markovicheva E.V. Validity and motivation of the verdict in cases of juvenile defendants	106
Morozova K.N. The implementation of the principle of fairness of punishment in court sentence.....	113
Osodoeva N.V. Significance of court investigation by pronounce sentence	121
Pashutina O.S., Kozyavin A.A. The requirements made to court sentence through the prism of regulatory and law-applying	127
INVITATION TO PUBLICATIONS	136

Т.Г. Бородинова

ПРИГОВОР: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ И ВИДЫ

Автор обращается к вопросу о значении приговора в системе иных судебных решений, с выявлением специфических особенностей его постановления. Предлагается авторское определение приговора, выделяются современные виды приговоров, постановленных в различных формах судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, судебные решения, приговор, виды приговора.

T.G. Borodina

VERDICT: CONCEPT, ESSENTIAL FEATURES AND TYPES

The author addresses the question of the meaning of the sentence in the other judgments system, identifying its specific characteristics of regulations. Proposed his own definition of the sentence, highlighted modern types of judgments, decrees in various forms of litigation.

Keywords: criminal procedure, criminal procedure legislation, court decisions, sentence, types of sentence.

Общеизвестно, что судебные решения по своему назначению, содержанию, характеру, признакам, процедуре вынесения далеко не одинаковы, что позволяет их дифференцировать. В науке уголовного процесса вопрос о классификации судебных решений был подробно исследован в не утратившем своей актуальности труде профессора П.А. Лупинской, выделившей в уголовном судопроизводстве основные и вспомогательные судебные решения. Как следует из названной классификации, приговор относится к группе основных решений [1, с. 50]. Кроме того, с учетом его процессуального характера и содержания, приговор включается в перечень итоговых уголовно-процессуальных решений, содержащих ответ на основной вопрос уголовного судопроизводства.

Заметим, что уголовно-процессуальное законодательство разделяет научные позиции о дифференциации судебных решений и за-

крепляет различные категории итоговых и промежуточных судебных решений (подп. 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ). Значимость данной классификации состоит в признании законодателем существенных нормативно-процессуальных различий, как в процессе постановления, так и в процедуре проверки и пересмотра различных видов судебных решений.

Под итоговыми судебными решениями уголовно-процессуальный закон понимает приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу. К промежуточным судебным решениям закон относит все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения.

Приговор является актом судебной власти, по которому оценивается справедливость и законность всего уголовного процесса по делу и судебные ошибки в нем не только нарушают принципы справедливости и законности, но создают опасность умаления авторитета суда и государства, как в глазах отдельного человека, так и всего общества.

Как метко по этому вопросу заметил Уильям Уильз: «Один ошибочный приговор производит неисправимый вред для частных лиц, уничтожает доверие к справедливости и честности судов и непременно вызывает целый ряд общественных зол» [2, с. 151].

Именно в силу своей социальной и правовой значимости, приговор в системе судебных решений занимает базовое, приоритетное место. Это обусловлено и тем широчайшим спектром уголовно-процессуальных признаков, которыми наделяется приговор. К числу специфических особенностей приговора можно отнести следующее:

1) это единственный процессуальный акт, выносимый именем Российской Федерации судом первой или апелляционной инстанции;

2) постановляется единоличным или коллегиальным судебным составом;

3) должен отвечать требованиям, предъявляемым законом к форме, содержанию, основаниям, процедуре постановления и вступления в законную силу;

4) является окончательным решением по уголовному делу;

5) выступает единым процессуальным актом, которым разрешаются вопросы права и факта по уголовному делу;

6) постановляется с целью утверждения вины или невиновности подсудимого;

7) подсудимому назначается наказание, либо приговор освобождает его от такового;

8) выступает единственным процессуальным актом, устанавливающим основания реализации уголовной ответственности;

8) это процессуальный итог рассмотрения в судебном заседании предъявленного обвинения;

9) постановляется только на основании устного и непосредственного исследования доказательств в судебном заседании;

10) разрешает вопрос об удовлетворении или отказе в удовлетворении гражданского иска;

11) должен соответствовать требованиям законности, обоснованности и справедливости;

12) может быть постановлен только в ходе судебного разбирательства и только в совещательной комнате;

13) в ходе постановления приговора применяются нормы уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права;

14) наделен свободой обжалования до и после вступления в законную силу;

15) не может быть отменен тем же или равнозначным судом первой инстанции;

16) обладает законной силой, свойствами обязательности, исключительности, стабильности и преюдициальности;

17) считается истинным (правосудным) до тех пор, пока не отменен вышестоящей судебной инстанцией в установленном законом порядке;

18) обладает особым социально-правовым и процессуальным значением;

19) не нуждается в последующем утверждении какими-либо органами государственной власти.

Названные характерные признаки являются отличительными чертами приговора, отграничивающими его от иных судебных решений, еще раз подтверждающие его процессуальную уникальность. Особенность приговора в системе иных процессуальных актов подчеркивается и наличием специальной, детально регламентированной процедуры постановления, оформления, провозглашения приговора и разъяснения содержащихся в нем позиций. Установленные уголовно-процессуальным законом требования к приговору суда, весьма объемны, они четко и конкретно, в императивном порядке предписывают

определенные правила поведения широкому кругу субъектов уголовно-процессуальных отношений. Приговор является единственным правоприменительным актом, уголовно-процессуальная процедура постановления которого наделяется особыми процессуальными правилами. К ним относятся: тайна совещания судей при постановлении приговора; вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора; содержание отдельных частей обвинительного и оправдательного приговора; вручение копии приговора и др.

Процедура постановления приговора, представляет собой комплексное явление, складывающееся под влиянием ряда социально-правовых факторов, таких как: уголовно-процессуальные, уголовно-правовые, фактические, нравственные и психологические, которые впоследствии ложатся в основу формирования приговора и обеспечивают такие свойства приговора как законность, обоснованность, справедливость, одним словом, его правосудность.

Касаясь определения понятия приговора, отметим, что, по нашему мнению, в основу понимания сущности приговора следует положить общетеоретическое представление о судебном решении, как о разновидности судебной правовой позиции, под которой понимается «мыслительный акт, представляющий собой текстовое системное изложение суждений судебной инстанции (судьи) или других субъектов по поводу судебного правоприменения о мотивах предпочтения той или иной юридической нормы» [3, с. 25].

С учетом сказанного, можно предложить следующее определение: приговор – это итоговое мотивированное судебное решение по уголовному делу, вынесенное на основе оценки фактических обстоятельств, свидетельствующих о виновности или невиновности подсудимого в совершении преступления и о необходимости и виде наказания за совершенное преступление, внешне выраженное в форме процессуального акта.

Как общеизвестно, по критерию обладания законной силой (силой закона) приговоры бывают двух видов: не вступившие и вступившие в законную силу. По отношению к разрешению вопроса о виновности-невиновности подсудимого, приговоры делятся на оправдательные и обвинительные. Подразделяются приговоры и по содержанию в них различного вида наказаний и т. д. Но существует еще одна видовая классификация, на которой хотелось бы остановиться подробнее.

Связана она с видами уголовного судопроизводства. Так, внедрение в уголовное судопроизводство новых процессуальных видов судебного разбирательства, неизбежно, влечет особенности постановления приговора, ведет к изменению его структуры и содержания (например, при особом порядке судебного разбирательства приговор основывается на доказательствах, которые непосредственно не исследуются в судебном разбирательстве, а при рассмотрении уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей обоснованность приговора обусловлена вердиктом присяжных).

Наличие особенностей нормативно-правового регулирования постановления приговора обуславливает возможность выделения различных видов приговора, по критерию порядка судебного разбирательства, в условиях которого выносится приговор.

Таким образом, наряду с приговором, постановленным в общем порядке судебного разбирательства, выделяются следующие виды приговоров, постановленных в альтернативных формах судебного разбирательства:

- 1) в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением;
- 2) в особом порядке судебного разбирательства, при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве;
- 3) по уголовному делу, по которому дознание проводилось в сокращенной форме;
- 4) в отсутствие обвиняемого;
- 5) на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

Специфика постановления каждого вида приговора неизменно отражается на специфике его содержания. Образно можно сказать, что приговор, постановленный в общем порядке судебного разбирательства и приговор, вынесенный в условиях «особых» судебных разбирательств, это различные «по весу» приговоры, особенно в части, касающейся такого свойства приговора как обоснованность, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода к процессу их проверки и пересмотра.

Список использованной литературы

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П.А. Лупинская. — М. : Юристъ, 2006. — 174 с.

2. Уильз У. Опыт теории косвенных улик, объясненный примерами / У. Уилз. — М. : Типография Грачева и Ко, 1864. — 271 с.

3. Власенко Н.А. «Тревожные» вопросы по поводу судебных правовых позиций / Н.А. Власенко // Новая юстиция. — 2008. — № 1. — С. 24–28.

Информация об авторе

Бородинова Татьяна Геннадьевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, 350002, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187/1, e-mail: borodinovatg@mail.ru.

Information about the author

Borodinova, Tatiana G. — PhD in Law, Associate Professor, Head, Professor of Criminal Procedure, North Caucasian branch of the Russian State University of Justice, 187/1 Levanevskogo Str., 350002, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: borodinovatg@mail.ru.

СООТВЕТСТВИЕ ПРИГОВОРА ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ СУДЬИ

В статье раскрывается понятие внутреннего убеждения судьи как результата свободной оценки доказательств, показана его роль и значение для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Автор делает вывод о необходимости базирования содержащихся в приговоре решений на убежденности судьи в их обоснованности и правильности, приводит правовые ситуации, когда приговор может не соответствовать внутреннему убеждению судьи, и анализирует причины такого несоответствия.

Ключевые слова: принципы судопроизводства, суд, судья, внутреннее убеждение, оценка доказательств, приговор, особый порядок судебного разбирательства, уголовное дело.

S.V. Burmagin

COMPLIANCE OF JUDICIAL SENTENCE WITH INTERNAL CONVICTION JUDGE

The article reveals the definition of the inner conviction of judge as a result of free evaluation of evidence, showing its role and significance for the decision are lawful, substantiated and just judicial sentence. The author concludes that judicial sentence must always correspond to the inner conviction of the judge of the validity and the correctness of the decision, considers the legal situations when a judicial sentence may not correspond to the inner conviction of the judge, and analyzes the reasons for this discrepancy.

Keywords: the principles of justice, court, judge, internal conviction, evaluation of evidence, judgment, special proceedings, criminal case.

Приговор — важнейший акт уголовного правосудия, в котором воплощаются устремления заинтересованных участников судебного процесса и достигаются цели уголовного судопроизводства. Приговором разрешается главный вопрос любого уголовного дела — вопрос о виновности или невиновности лица в инкриминируемом ему

деянии, применяется предусмотренное материальным законом уголовное наказание. Поскольку правосудие в РФ осуществляется только судом, вынесение приговора относится к исключительной компетенции суда (п. 28 ст. 5, ч. 1 ст. 29, ст. 296 УПК РФ). Именно судья либо коллегия судей разрешают все правовые вопросы, подлежащие в соответствии со ст. 299 УПК РФ рассмотрению при постановлении приговора.

Приговор суда, как известно, должен базироваться на конкретных фактических обстоятельствах, установленных в ходе судебного разбирательства посредством совокупности доказательств, собранных и исследованных в установленном законом процессуальном порядке. Ключевым моментом в принятии решений, из которых состоит судебный приговор, является окончательная оценка доказательств на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, которую в соответствии с принципом свободной оценки доказательств судья производит по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом, законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Внутреннее убеждение — сложное явление и неоднозначное правовое понятие, имеющее несколько смысловых значений. В науке уголовно-процессуального права, исходя из содержания принципа свободы оценки доказательств в том виде, как он сформулирован в УПК, внутреннее убеждение понимается как: а) способ (метод) оценки доказательств, применяемый в процессе доказывания и б) как результат оценки доказательств [1, с. 158–161, 172–173; 2, с. 3–45; 3, с. 61; 4, с. 142].

Оперирование при оценке доказательств внутренним убеждением позволяет судье сформулировать свое личное мнение относительно свойств как отдельных доказательств, так и их совокупности, произвести самостоятельный анализ доказательств и содержащихся в них фактов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, выработать на их основе собственное решение по каждому вопросу, подлежащему разрешению при постановлении приговора, что обеспечивает (гарантирует) независимое и беспристрастное осуществление правосудия. Принцип свободы оценки доказательств предоставляет судье «внутреннюю свободу оценки доказательств» [5, с. 105], не ограниченную какими-либо формальными предписаниями закона (никакие доказательства не имеют заранее установленной

силы — ч. 2 ст. 17 УПК РФ), мнением (оценкой) других участников судебного процесса и не подверженную внешнему принуждению.

В тоже время, хотя внутренне убеждение есть субъективное мнение судьи, оно не может и не должно быть произвольным, а в силу положений ч. 1 ст. 17 УПК РФ основывается на исследовании совокупности всех доказательств, произведенном в строгом соответствии с уголовно-процессуальными правилами. «Свобода оценки доказательств — это, по сути, свобода усмотрения, ограниченная законом и совестью» [6, с. 47].

Как результат оценки доказательств внутреннее убеждение судьи представляет собой убежденность в доброкачественности доказательств и их достаточности для принятия решения, в истинности установленных фактов, в правильности и обоснованности сделанных на их основе выводов, в верном выборе подлежащей применению правовой нормы. «Внутреннее убеждение как итог оценки доказательства означает знание, веру в правильность этого знания и волевой стимул, побуждающий к определенным практическим действиям» [1, с. 173].

Поскольку внутреннее (субъективное) убеждение судьи «объективировано» и подвержено в судебно-контрольных стадиях уголовного процесса проверке на соответствие имеющимся доказательствам, оно должно находить внешнее выражение в описательно-мотивировочной части приговора, в тех суждениях и выводах, которыми мотивируются принимаемые в рамках приговора решения (ст. 305 и 307 УПК РФ). Очевидна зависимость содержательной части приговора, сути присутствующих в нем решений и правосудность приговора в целом от внутреннего судейского убеждения по каждому из разрешаемых вопросов.

Убежденность судьи, сложившаяся в результате беспристрастной и адекватной оценки собранных доказательств, произведенной в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, с соблюдением установленных правил и процедур, выступает необходимым условием и важной гарантией законности, обоснованности и справедливости приговора. Поэтому так важно, чтоб содержащиеся в приговоре формулировки и решения по любому вопросу соответствовали внутреннему убеждению судьи. Судья в соответствии с требованиями закона и велением совести должен быть убежден в правильности сделанных выводов и принимаемых решений.

В действительности это происходит далеко не по каждому уголовному делу. Согласно результатам исследования, проведенного Е.Д. Горевым, более 54 % опрошенных им судей признались, что принимали решение по уголовному делу вопреки внутреннему убеждению [3, с. 132]. Подобное происходит под воздействием различного рода причин и факторов (внешних и внутренних), несущих угрозу тому, что приговор будет вынесен судьей (коллекцией судей) не в полном согласии, а даже в противоречие с его взглядом, мнением, внутренним убеждением. Опрошенные Е.Д. Горевым судьи, например, указали, что выносили несогласующиеся с их внутренним убеждением решения из опасения, что приговор будет отменен вышестоящей инстанцией, либо в силу сложившейся практики принятия других решений в подобных ситуациях.

К указанным негативным факторам также относятся всевозможные посягательства на независимость судьи и нарушения требования его беспристрастности при рассмотрении уголовного дела [7], которые «вмешиваются» в познавательный процесс, воздействуют на волю судьи и ограничивают его возможность свободно и непредвзято оценивать доказательства и устанавливать факты. Такого рода угрозы чаще проявляются в несоблюдении очевидных требований закона, гарантирующих независимость и беспристрастность судей, т.е. лежат в практической плоскости. Тем не менее, ситуации, в которых возможно рассогласование вынесенного приговора с имевшимся у судьи убеждением допускаются и на законодательном уровне. Обозначим некоторые из них.

1. Нормативное указание о том, что приговор не может быть основан на предположениях и выносится лишь при условии, что выводы суда подтверждены совокупностью исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств, относится только к обвинительному приговору (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). В силу презумпции невиновности оправдательный приговор должен быть вынесен не только в случае убежденности судьи в невиновности подсудимого, но и тогда, когда его виновность сомнительна, а возникшие у суда сомнения остались неустранимы.

2. В случае частичного или полного отказа государственного обвинителя от обвинения, независимо от того, согласен ли суд с изложенными мотивами такого отказа, суд не вправе вынести приговор, а должен прекратить уголовное дело или уголовное преследование

полностью или в соответствующей части по указанному государственным обвинителем реабилитирующему основанию (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Обязательным для суда является и изменение государственным обвинителем предъявленного обвинения в сторону его смягчения (ч. 8 ст. 246 УПК РФ). В этом случае суд автоматически корректирует обвинение, «сужая» его пределы в соответствии с позицией государственного обвинителя, что находит отражение в обвинительном приговоре. Такие решения суд нередко принимает вопреки своему собственному убеждению относительно того, доказано ли выдвинутое обвинение и в каком объеме, как должно квалифицироваться доказанное деяние в соответствии с уголовным законом.

3. Предусмотренные УПК РФ особые порядки судебного разбирательства: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1), особый порядок разбирательства дела, по которому производилось дознание в сокращенной форме (ст. 226.9 УПК РФ) — предусматривают усеченное судебное следствие, в ходе которого суд непосредственно не исследует доказательства, подтверждающие предъявленное подсудимому обвинение (по делам, по которым произведено дознание в сокращенной форме, исследуются только те доказательства виновности, которые указаны в обвинительном постановлении). Соответственно суд лишен возможности полноценно оценить собранные и имеющиеся в распоряжении сторон, прежде всего стороны обвинения, доказательства, а значит, и выработать собственное убеждение относительно доказанности предъявленного обвинения. Обвинительный приговор, вынесенный в особом порядке, содержит в себе выводы о виновности лица в конкретном преступлении, которые основаны на убеждении органа уголовного преследования, а не суда.

Конечно, положения ч. 6 и 7 ст. 316 УПК РФ в совокупности позволяют судье и даже обязывают его убедиться в том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается собранными по делу доказательствами, в противном случае предписывают прекратить рассмотрение дела в особом порядке и перейти к обычному (полному) судебному разбирательству. Однако вывод о доказанности обвинения суд может сделать только вследствие ознакомления с письменными материалами дела вне судебного засе-

дания (как правило, до его начала) и без участия сторон. Такое опосредованное знакомство с доказательствами в том виде и содержании, как они зафиксированы органом предварительного расследования, без их тщательного исследования и проверки с участием заинтересованных сторон, на наш взгляд, не может породить у судьи твердой уверенности в истинности и доказанности предъявленного обвинения. Указанным способом можно выявить лишь явные противоречия и пробелы в доказательственной базе, а также очевидные ошибки органов предварительного расследования в квалификации деяния.

Любой опытный судья из собственной практики знает, что зачастую кажущиеся на первый взгляд весьма убедительными и незыблемыми доказательства виновности не выдерживают проверки в ходе судебного следствия, а представленная в материалах досудебного производства красочная и понятная картина преступления существенным образом (иногда до неузнаваемости) меняется в суде. Практический опыт подсказывает судье, что, несмотря на внешне вполне согласованное с письменными материалами дела содержание обвинения, оно может быть не вполне обоснованным или вовсе необоснованным. Но поскольку возможные противоречия и ошибки не являются явными, не видны невооруженным глазом (без проверки), а сам обвиняемый не возражает против предъявленного обвинения, судья как бы исходит из презумпции доказанности предъявленного обвинения, но при этом оставляет в душе и сознании определенную долю сомнения на этот счет. Не случайно, а именно ввиду отсутствия обоснованной убежденности, суду не требуется отражать в приговоре, постановленном в особом порядке, анализ доказательств и их оценку (ч. 8 ст. 316 УПК РФ). Судья лишь указывает в соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ¹, что «обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами», однако никак не мотивирует данный вывод и не ссылается даже на письменные материалы, которые изучил.

Обозначенная проблема — допустимость на практике несоответствия обвинительного приговора внутреннему убеждению судьи — значительна, если принять во внимание, что в особом порядке рассматривается большинство уголовных дел (например, в 2015 г. суды РФ в особом порядке рассмотрели 631 931 дело, что со-

¹ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29 ноября 2016 г. // Российская газета. 2016. 7 дек.

ставило 65,6 % от общего числа рассмотренных уголовных дел¹), а случаи изменения обвинения государственным обвинителем в судебном заседании достаточно распространены.

Приведенные законодательные положения объяснимы действием иных принципов судопроизводства: презумпции невиновности (вынесение оправдательного приговора при недоказанности вины, которая приравнивается к доказанной невиновности), состязательности сторон (прекращение производства по делу ввиду отказа обвинителя от обвинения, сужение пределов судебного разбирательства вследствие изменения обвинителем обвинения в сторону смягчения), разумного срока уголовного судопроизводства (особые, сокращенные порядки судебного разбирательства).

В последнем случае законодатель установил явный приоритет процессуальной экономии и оперативности судопроизводства над необходимостью всесторонней проверки доказательств судом и выработки им собственного внутреннего убеждения по основному вопросу уголовного дела, что несет в себе угрозу необоснованного осуждения, и этот риск (ошибочности приговора) тем менее оправдан, чем выше степень тяжести вмененного преступления и строже назначаемое наказание. В этой связи представляется сомнительной целесообразность распространения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением на дела о тяжких преступлениях, а заслуживают поддержки предложения ряда ученых ограничить применение ускоренного судебного производства (особого порядка) делами о преступлениях небольшой и средней тяжести [8; 9; 10, с. 20].

Список использованной литературы

1. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika / P.A. Lupinskaya. — M. : Norma : Infra-M, 2010. — 240 s.

2. Reznik G.M. Vnutrennee ubezhdenie pri otsenke dokazatel'stv / G.M. Reznik. — M. : Yurid. lit., 1977. — 118 s.

¹ Отчет «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2015 г.» (форма № 1) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 30.11.2016).

3. Горевой Е.Д. Внутреннее судебное убеждение в оценке доказательств по уголовным делам / Е.Д. Горевой. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 136 с.

4. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л.Т. Ульянова. — М. : Изд. дом «Городец», 2008. — 176 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. — М. : Редакция «Российской газеты», 2015. — 912 с.

6. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. — Ростов н/Д. : Феникс, 2015. — 445 с.

7. Бурмагин С.В. Беспристрастность суда как основа справедливого уголовного правосудия / С.В. Бурмагин // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. 20–21 марта 2015 г. : в 2 ч. — СПб. : ИД «Петрополис», 2016. — Ч. 1. — С. 30–41.

8. Татьяна А. Особый порядок принятия судебного решения / А. Татьяна // Законность. — 2003. — № 12. — С. 30–33.

9. Хаматова Е. Особый порядок судебного разбирательства по уголовному делу претерпел изменения / Е. Хаматова // Уголовное право. — 2004. — № 1. — С. 94–95.

10. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.В. Качалова. — М., 2016. — 55 с.

Информация об авторе

Бурмагин Сергей Викторович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17, e-mail: s.burmagin@narfu.ru.

Information about the author

Burmagin, Sergey V. — PhD in Law, Associate Professor, Professor of Department of Criminal Law and Process, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 17 embankment of Northern Dvina, 163002, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: s.burmagin@narfu.ru.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЗАОЧНОГО ПРИГОВОРА

Статья посвящена проблемным вопросам постановления заочного приговора по уголовному делу, соблюдению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Рассматриваются основания и порядок проведения заочного судебного разбирательства. Приводятся правовые позиции ЕСПЧ по вопросу о возможности заочного рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: заочный приговор; подсудимый; защитник; судебное разбирательство; европейский суд по правам человека; соблюдение прав участников уголовного судопроизводства.

PROBLEMS OF THE RESOLUTION OF THE JUDGMENT BY DEFAULT

The article is devoted to problematic issues of the resolution of the correspondence in the dialect in a criminal case, the rights and legitimate interests of participants of criminal proceedings. Addresses the grounds and procedure for conduct of trial in absentia. Given the legal positions of the ECHR on the question of the possibility of correspondence consideration of criminal cases.

Keywords: sentenced in absentia; the defendant; counsel; litigation; European court of human rights; the rights of participants in criminal proceedings

Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, при этом стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ).

Государство является гарантом соблюдения прав и законных интересов граждан. В уголовном судопроизводстве это означает, что государство обязано создавать все необходимые условия для реализации каждым, особенно заинтересованным в исходе уголовного дела лицом права присутствовать при проведении судебного разбирательства и рассмотрении дела по существу. Это в свою очередь дает реальную возможность использовать весь объем предоставленных такому лицу прав. Кроме того, способствует вынесению законного, обоснованного и справедливого итогового судебного решения (приговора) на основе исследованных в судебном заседании доказательств, когда стороны в очном споре излагают суду свои доводы, позицию, мнение по вопросам, связанным с совершенным преступным деянием.

По общему правилу судебное разбирательство по уголовному делу производится при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

Таковыми случаями является следующие: судебное разбирательство в отсутствие подсудимого может быть допущено в случае, если по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести подсудимый ходатайствует о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие (ч. 4 ст. 247 УПК РФ). А также в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу (ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

Кроме того, на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ судебное разбирательство в отсутствие подсудимого возможно также в случае его смерти, если рассмотрение дела необходимо для его реабилитации. В соответствии с действующим законодательством некоторые процессуальные действия могут быть проведены в отсутствие подсудимого, а в силу ч. 3 ст. 258 УПК РФ возможность разбирательства дела в отсутствие подсудимого допускается также в случаях, когда по решению суда он удаляется из зала судебного заседания в связи с нарушением порядка в судебном заседании и неподчинением распоряжениям председательствующего судебного пристава.

Но данные правовые ситуации нельзя отнести к заочному рассмотрению дела, так как подсудимый отсутствует в зале судебного заседания временно, а по возвращению вправе ознакомиться с содержанием показаний, данных в его отсутствие и задать вопросы потерпевшим, свидетелям, другому подсудимому, допрошенным в его отсутствие. Следует согласиться с С.И. Викторским, который отмечал, что не могут «почитаться» как заочные, приговоры, если подсудимого удалят из зала заседания ввиду его поведения, мешающего правильному течению судебного следствия, или его заявления, что он настоящего суда не признает и присутствовать на нем не желает, ибо присутствие таких подсудимых не даст ничего для более правильного суждения о деле» [1, с. 411].

В случаях же, предусмотренных ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ, подсудимый отсутствует на протяжении всего судебного заседания, и соответственно, здесь правомерно говорить именно о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого и постановлении заочного приговора.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

Приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства, в том числе при условии соблюдения прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Безусловно, заочное судебное разбирательство уголовных дел затрагивает конституционные права гражданина на участие в судебном заседании, на защиту от предъявленного обвинения, что подразумевает под собой наличие дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов. Рассматривая вопрос о возможности заочного судебного разбирательства, необходимо принимать во внимание тот факт, что соблюдению подлежат права и законные интересы не только подсудимого, но и потерпевшего. В частности, потерпевший имеет право на доступ к правосудию, рассмотрение уголовного дела в разумный срок, возмещение вреда, причиненного преступлением. Так, неоднократная неявка подсудимого в судебное заседание

затягивает рассмотрение дела по существу и не позволяет потерпевшему в разумные сроки получить возмещение вреда, причиненного преступлением, что в дальнейшем может привести к обращению за компенсацией в связи с нарушением разумных сроков уголовного судопроизводства.

ЕСПЧ, признавая в своих решениях необходимость и важность участия подсудимого в судебном разбирательстве, тем не менее указывает, что право личного участия в судебном разбирательстве необходимо сочетать с общественным интересом, и в частности, с интересами правосудия¹, а также предоставлять осужденному возможность повторного разбирательства уголовного дела².

Таким образом, можно сделать вывод, что постановленный заочно приговор будет законным в случае соблюдения процедуры судебного разбирательства, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Обращает на себя внимание также тот факт, что УПК РФ не регламентирует саму процедуру заочного производства, но в то же время в законе нет и указания на то, что производство предусматривает какие-то исключения применительно к самой процедуре (как например, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке уголовного производства). В данном случае речь должна идти о соблюдении закона при проведении судебного разбирательства независимо от формы его проведения.

УПК РФ предусматривает разные основания для проведения заочного судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести и по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Для первой категории дел необходимо добровольное волеизъявление подсудимого. Однако не совсем понятно, на каком этапе судебного производства подсудимым может быть заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие? Представляется, что такое ходатайство должно заявляться до начала судебного

¹ Постановление ЕСПЧ от 12.02.1985 г. по жалобе Колоцца против Италии [Электронный ресурс] // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/rus#{"languageisocode":\["RUS"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"kpdata":\["1985-02-12T00:00:00.OZ","1985-02-12T00:00:00.OZ"\],"itemid":\["001-100633"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/rus#{) (дата обращения 30.11.2016).

² Постановление ЕСПЧ от 12.04.2012 г. № 18851/07 по делу Лагардер против Франции [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

заседания (в случае разъяснения права подсудимого на рассмотрение уголовного дела в его отсутствие в стадии предварительного расследования), в таком случае (в случае удовлетворения ходатайства), тогда можно было бы говорить, что суд рассмотрел уголовное дело в порядке заочного производства. В то же время, нельзя исключить вероятность заявления такого ходатайства на любом этапе судебного разбирательства, поскольку закон этого не запрещает. Рассматривая уголовное дело, суд может провести несколько судебных заседаний, и при таких условиях нельзя исключить отсутствие подсудимого в одном из них в силу различных обстоятельств. Возможно ли такое? Изъявив желание лично присутствовать в судебном заседании, может ли подсудимый изменить свое решение? К примеру, если обстоятельства складываются таким образом, что подсудимый не может принять участие в судебном заседании, он может заявить об отложении рассмотрения дела, если он желает принимать участие в судебном разбирательстве. Но если обстоятельства не позволяют подсудимому в дальнейшем участвовать в судебном заседании и у него нет такого желания, то можно допустить, что он заявит ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие.

Не регламентировано в УПК РФ и необходимость наличия каких-либо условий для удовлетворения заявленного ходатайства. Тем не менее, в основном подсудимые в своих ходатайствах указывают причины, по которым они не могут явиться в судебное заседание, и соответственно просят рассмотреть уголовное дело в их отсутствие. Как правило, основаниями заявления подсудимыми ходатайств, как правило, являются отсутствие денежных средств на дорогу, состояние здоровья, занятость на работе (особенно при условии осуществления труда вахтовым методом), сложности при проезде (актуально для северных регионов с большой территорией). Но все эти причины являются вынужденными, что само по себе нарушает право подсудимого на доступ к правосудию.

Одним из аспектов рассматриваемой проблемы является участие защитника при рассмотрении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 247 УПК РФ. Статья 51 УПК РФ регламентирует обязательное участие защитника в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого только при обстоятельствах, указанных в п.5 ст. 247 УПК РФ. Однако согласно разъяснениям, которые были даны Верховным судом РФ в постановлении

Пленума от 30 июня 2015 г. № 29 участие защитника по данной категории уголовных дел обязательно. Если при рассмотрении дела в отсутствие обвиняемого в соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ защитник не приглашен самим обвиняемым, его законным представителем или другим лицом по поручению обвиняемого, то суд в целях обеспечения состязательности и равноправия сторон и права обвиняемого на защиту принимает меры к назначению защитника¹.

Заочного производство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях возможно только в исключительных случаях. При этом закон не указывает, что именно понимается под исключительными случаями. Некоторые разъяснения содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку к судебному разбирательству» от 22 декабря 2009 г. № 28. В частности, в качестве исключительных случаев, понимается особая общественная опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением, случаи, когда розыск обвиняемого не дал положительных результатов, невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого.

Безусловно, при рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого, в процедуре судебного заседания будут свои особенности. Так личность подсудимого устанавливается по материалам дела, не может быть осуществлен допрос подсудимого, не предоставляется подсудимому и последнее слово. В то же время в соответствии с п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ подсудимый вправе представлять доказательства, понятие доказательств раскрывается в ст. 81 УПК РФ. А учитывая право подсудимого защищать себя при помощи адвоката, необходимые доказательства он может представить суду через адвоката.

Как следует из УПК РФ, ходатайство о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого по данной категории дел может быть заявлено как на предварительном слушании, так и на стадии судебного разбирательства, в случае если подсудимый скрылся после назначения по уголовному делу судебного заседания.

¹ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Возникает вопрос в каких случаях может быть назначено предварительное слушание для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ? Полагаем, что такая ситуация может иметь место только если государственный обвинитель к моменту поступления уголовного дела в суд, имеет достаточные данные о том, что подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и уклоняется от явки в суд.

Если обвиняемый скрылся от следствия или его местонахождения неизвестно это является основанием для приостановления производства по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), но до приостановления производства по делу следователь выполняет все следственные действия, которые возможны в отсутствие обвиняемого (ч. 5 ст. 248 УПК РФ). Согласно ч. 4 ст. 222 УПК РФ, в случае отказа обвиняемого от получения обвинительного заключения либо его неявки по вызову или уклонения от получения копии обвинительного заключения прокурор направляет уголовное дело в суд с указанием причин, по которым данная копия не была вручена. Системный анализ положений ч. 5 ст. 215 и ч. 4 ст. 222 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что уголовное дело при наличии достаточных данных полагать, что преступление совершено обвиняемым, может быть направлено в суд для рассмотрения по существу и в отсутствие самого лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Для того, чтобы суд мог принять обоснованное решение о заочном рассмотрении дела необходимо установить факт уклонения подсудимого от явки в суд и (или) его нахождения за пределами РФ и одновременно наличие документов, подтверждающих нахождение подсудимого за пределами РФ [2].

Одной из главных причин, которая не позволяет прибегнуть к помощи другого государства для привлечения к ответственности скрывшегося подсудимого в условиях очного судопроизводства, является то, что его местонахождение неизвестно или не может быть установлено [3].

В соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ, если подсудимый скрылся, суд приостанавливает производство в отношении скрывшегося подсудимого и продолжает судебное разбирательство в отношении остальных, за исключением случаев, когда имеются основания для рассмотрения уголовного дела о тяжких и особо тяжких

преступлениях в отсутствие подсудимого. При этом такое решение может быть принято судом только при наличии сведений о том, что подсудимый надлежащим образом извещен и осознано не является в суд. По нашему мнению, прежде чем принять решение о приостановлении производства по делу суд обязан предпринять все необходимые меры для извещения его о дате и месте судебного разбирательства, при этом речь не идет о банальном направлении повесток по месту регистрации. Так суд может направить повестки также и по месту фактического проживания, известить посредством СМС-оповещения, оформить привод и т.д. Суд должен располагать надежными доказательствами того, что вызов подсудимым получен рассылным такими доказательствами являются сделанная в разносной книге судебной корреспонденции запись о выдаче повестки рассылному под его расписку; корешок повестки с распиской в ее получении либо расписка, в которой содержится отметка об отказе адресата принять повестку или отметка куда выбыл адресат. При вызове подсудимого телефонограммой, доказательством может служить запись в специальном журнале и приобщенная к делу расписка секретаря о ее передаче [3]. При доставлении судебной повестки только после того как исчерпаны все возможности возможно принятие решения о приостановлении производства по делу и розыске подсудимого.

Содержание уголовно-процессуального закона не раскрывает то, каким образом должно проводится судебное разбирательство, когда в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления обвиняются несколько лиц, но только один из них или некоторые из них содержится под стражей или не уклоняется от явки в суд. Возможно ли проведение заочного разбирательства в отсутствие одного из подсудимых при непосредственном участии остальных? Полагаем, что возможно с точки зрения процесса, но в то же время могут возникнуть ситуации, при которых вынести законное, справедливое и обоснованное решение в отсутствие одного из подсудимого невозможно. В таких случаях производство по делу приостанавливается (ч. 3 ст. 253 УПК РФ).

Так, Д.Т. Арабули отмечает, что суду в ходе судебного разбирательства при постановке вопроса о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого надлежит выяснить позицию каждой из сторон и только при отсутствии возражений вынести определение (по-

становление) об удовлетворении заявленного ходатайства [4, с. 41]. Мы не можем согласиться с таким мнением, так как сторона защиты как правило возражает против заочного рассмотрения уголовного дела в отношении отсутствующего подсудимого. Можно было бы говорить о необходимости соблюдения прав подсудимого на участие в судебном разбирательстве, на представление доказательств и т.д., но скрывшись от суда, он фактически отказался от возможности использования таких прав, а длительное не рассмотрение уголовного дела нарушает права не только потерпевших, но и в случае совершения преступления несколькими лицами — остальных подсудимых. Поэтому, по нашему мнению, необходимость обязательного получения согласия сторон приведет к дисбалансу в соблюдении прав участников уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 259 УПК РФ ход судебного заседания отражается в протоколе, в котором должны быть указаны все материалы, исследуемые судом. Поэтому очень важно отразить в протоколе судебного заседания на основании каких документов судом принято решение о заочном рассмотрении уголовного дела, в частности имеются ли какие-либо документы, подтверждающие отсутствие подсудимого на территории РФ, а также факт уклонения его от явки в суд. При этом следует принимать во внимание, что отбывание подсудимым наказания в местах лишения свободы по приговору другого суда не является основанием для заочного рассмотрения уголовного дела, так как в данном случае нет умышленного уклонения подсудимого от явки в суд. Применительно к положениям ч. 4 ст. 247 УПК РФ важно убедиться, что ходатайство было заявлено именно подсудимым, а не каким-либо иным лицом. В связи с этим, полагаем целесообразным принимать во внимание те заявления, которые были сделаны в присутствии защитника и имеется подпись защитника, либо же нотариально заверенное заявление подсудимого.

Это создаст дополнительные правовые гарантии защиты прав личности и позволит суду постановить законный и обоснованный приговор.

Список использованной литературы

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — М. : Городец, 1997. — 448 с.

2. Сероштан В.В. Заочный приговор / В.В. Сероштан // Российский судья. — № 4. — 2009. — С. 28–30.

3. Лазарева В.А. Надлежащий вызов подсудимого / В.А. Лазарева, Ю.В. Кувалдина // Российская юстиция. — 2009. — № 4. — С. 63–65.

4. Арабули Д.Т. Защита прав и интересов лица при рассмотрении дела в его отсутствие в судах РФ / Д.Т. Арабули, Н.С. Чувашова. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. — 228 с.

Информация об авторе

Великая Екатерина Видадиевна — старший научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, e-mail: ipkrk@mail.ru.

Information about the author

Velikaya, Ekaterina V. — Senior Researcher, Department of the Research Institute, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 15 2nd Zvenigorod Str., 123022, Moscow, Russian Federation, e-mail: ipkrk@mail.ru.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА
ВОЕННЫМИ СУДАМИ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Постановление обвинительного приговора в настоящее время не редкое явление. Анализ судебной практики за 2014 и 2015 гг. в сравнение подтверждает эту позицию. Рассмотрение уголовных дел и соответственно постановление приговора в военных судах имеют свою специфику. В статье рассматривается история военных судов Российской Федерации, характерные черты того времени, а также перечень особенностей в настоящее время. Освещены теоретические проблемы с учетом специфики рассмотрения уголовных дел военными судами. Проводится анализ некоторых проблем квалификации при постановлении приговоров военными судами.

Ключевые слова: обвинительный приговор, военные суды, судебная система, проблемы квалификации, военнослужащие.

E.S. Gabdrahmanova, M.S. Aleshkin

**COURT-MARTIAL CONVICTION:
SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Nowadays the judgment of conviction is not unusual. The analysis of judicial practice 2014 and 2015 years reaffirm the stance on it. Criminal trial and criminal sentencing in martial-law courts are rather specific. This article analyses the historical background of martial-law courts development, their salient features in those years and nowadays. The basic theoretical problems in this field were defined in the light of specific features of criminal trial in martial-law courts. The article performs a profound analysis of labeling process in martial-law courts.

Keywords: judgment of conviction, martial-law courts, court system, labeling process, service members

В последнее время обвинительный приговор стал частым явлением в судебной практике. Исходя из смысла обвинительного приговора, он может постановляться лишь при условии, если виновность

подсудимого в совершении преступления будет подтверждена совокупностью исследованных доказательств. По мнению И.И. Самсонова: «Общее количество оправдательных приговоров, постановляемых судами страны, в их сопоставлении с числом обвинительных приговоров отражает реальную картину взаимоотношений органов судебной власти с государственным аппаратом, средствами массовой информации, указывает на качество предварительного расследования, состояние правосудия и социальной системы, уровень профессионального правосознания» [1]. С этим невозможно не согласиться.

Возьмем статистику судов общей юрисдикции за 2014 и 2015 гг. для сравнения. В 2014 г. число лиц, в отношении которых дела рассмотрены по существу, составило 990 783, в 2015 г. число этих лиц составило 1 017 408. Из них в 2014 г. осужденных 746 270 лиц, в 2015 г. их число составило 762 556. Число лиц, в отношении которых дела прекращены в 2014 г. составило 231 069, в 2015 г. — 241 698. Что же касается оправданных в 2014 г. их число составило 5167, в 2015 г. — 4658¹. Из этого можно сделать вывод, что суды охотнее прекращают дела, чем выносят оправдательные приговоры.

Если же обратить внимание на практику военных судов, то ситуация остается неизменной. За 2014 г. число лиц, в отношении которых дела рассмотрены по существу составило 6282, в 2015 г. — 6625, следовательно, можно уверенно сказать, что с каждым годом растет преступность среди военнослужащих. Из этого числа в 2014 г. осужденных было 5402, в 2015 г. их число составило 5640 лиц. Число лиц, в отношении которых дела были прекращены составило 868, в 2015 г. — 935 лиц. Оправданных лиц в 2014 г. было 42, в 2015 г. их было больше на 5.

Но все же в постановлении приговора военными судами присутствуют свои особенности. Важной из них являться «особая» подсудность. Вопросам подсудности военных судов посвящена ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (ред. от 03.07.2016). Также особое внимание стоит уделить ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ну и конечно же главе 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) «Преступления против военной службы», так как дела о данных преступлениях рассматриваются только военными судами.

¹ См.: URL: <http://www.cdept.spb.ru>.

У обвинительного приговора в военных судах есть свои характерные черты. Для начала нужно обратиться к истории. В двадцатом веке существовали военные трибуналы. Военные трибуналы рассматривали исключительно дела о военных преступлениях. Как указал А.Я. Петроченков: «В ту пору деятельность всей государственной машины, в том числе и правоохранительных органов, была направлена на борьбу с контрреволюционными деяниями, и военно-судебная система не могла находиться от них в стороне» [2, с. 5]. Исходя из этого можно сделать вывод, что правосудие в то время было направлено против военнослужащих. Если же возьмем современные суды, то пережитки прошлого все же остались, хоть и не значительные [3].

Еще одну отличительную черту можно увидеть в ошибках квалификации при постановлении приговора. Здесь необходимо обратиться к ст. 337 и 338 УК РФ. Практика рассмотрения военными судами дел данной категории свидетельствует о неодинаковом толковании понятия «стечение тяжелых обстоятельств».

Некоторые судьи под такими обстоятельствами понимают возникновение оснований для увольнения военнослужащих с военной службы, о чем говорит ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», другие — для предоставления отпусков по личным обстоятельствам (п. 10 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), третьи — наряду с указанными также иные негативные жизненные ситуации служебного и неслужебного характера [4]. Данная проблема состоит в том, что содержание понятия «стечение тяжелых обстоятельств» в уголовном законе не в полной мере раскрыто. В каждом конкретном случае вопрос о наличии этих обстоятельств должен решаться индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств дела. При этом не исключены ситуации, когда одни и те же факторы при разных условиях могут быть признаны тяжелыми либо нет. Следовательно, возможны ошибки в разграничении данного понятия и это влияет коренным образом на постановление приговора [5]. В связи с этим предлагается дать полное официальное толкование данного понятия судьям и рассмотреть наиболее сложные вопросы практики, систематизировать определенные похожие ситуации по группам чтобы обеспечить единообразное и правильное применение закона.

На наш взгляд, обвинительный приговор является доказательством успешного отправления правосудия, при этом суды принимают решения на основе имеющихся доказательств, руководствуясь зако-

ном. Несмотря на некоторые ошибки квалификации при постановлении приговоров, все же остается достаточно высокий профессиональный уровень при разрешении уголовных дел.

Список использованной литературы

1. Самсонов И.И. Постановление оправдательного приговора военными судами России: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] / И.И. Самсонов // Военное право. — 2010. — № 3. — Режим доступа: <http://www.voennoepravo.ru/node/4065>.

2. Петроченков А.Я. Военные суды Российской Федерации: история и современность (к 90-летию образования военных трибуналов (военных судов) / А.Я. Петроченков // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2009. — № 1. — С. 2–8.

3. Волков В.В. Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции / В.В. Волков. — М. : Норма : Инфра-М, 2015. — 320 с.

4. Петухов Н.А. Записки военного юриста: военные суды России / Н.А. Петухов. — М. : Российская академия правосудия, 2010. — 224 с.

5. Военная юстиция в России: история и современность : материалы науч.-практ. конф. — М., 2014. — 164 с.

Информация об авторах

Габдрахманова Елена Сергеевна — преподаватель, кафедра уголовно-процессуального права, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, 680014, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49, e-mail: el.gabdrahmanova@mail.ru.

Алешкин Михаил Сергеевич — студент 4 курса юридического факультета, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, 680014, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49, e-mail: mikhanbest@gmail.com.

Information about the authors

Gabdrahmanova, Elena S. — Lecturer, Department of Criminal Procedural Law, Far-Eastern branch of Russian State University of Jurisdiction, 49 East highway, 680014, Khabarovsk, Russian Federation, e-mail: el.gabdrahmanova@mail.ru.

Aleshkin, Michael S. — 4th year student, Law Faculty, Far-Eastern branch of Russian State University of Jurisdiction, 49 East highway, 680014, Khabarovsk, Russian Federation, e-mail: mikhanbest@gmail.com.

**ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СОБИРАНИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

В статье дается понятие и определяется система криминалистических средств и методов предупреждения общественно опасных деяний, собирания и исследования доказательств. Рассматривается система криминалистических средств, основанная на источниках их происхождения, включающая в себя технико-криминалистические, тактико-криминалистические и методико-криминалистические средства. Целевой направленностью таких средств является криминалистическое обеспечение противодействию преступности, все они могут быть использованы в той или иной мере для решения задач, как криминалистической техники, так и тактики или методики.

Ключевые слова: криминалистическая техника, криминалистические средства, криминалистические методы, собирание доказательств, исследование доказательств, научно-технические средства, научно-технический прогресс.

V.L. Grigorovich

**THE CONCEPT AND SYSTEM FORENSIC TOOLS
AND TECHNIQUES FOR THE PREVENTION OF SOCIALLY
DANGEROUS ACTS, COLLECTION AND EXAMINATION
OF EVIDENCE**

The article describes the concept and determine the system of criminalistic means and methods of prevention of socially dangerous acts, the gathering and examination of evidence. Describes the system of forensic tools based on its source, including technical and forensic, tactical and methodical forensic and forensic tools. The target orientation of such funds is a forensic software crime, they can all be used in one way or another to solve the task as forensic technology and tactics or techniques.

Keywords: forensic equipment, forensic tools, forensic techniques, collection of evidence, examination of evidence, scientific-technical, scientific-technical progress.

Противодействие преступности в современных условиях требует совершенствования криминалистических средств и методов предупреждения общественно опасных деяний, собирания и исследования доказательств. Успешное решение этих задач видится в постоянном преобразовании достижений научно-технического прогресса (НТП) для нужд криминалистики. Использование достижений НТП, как отмечал Р.С. Белкин, способствует ускорению развития криминалистики, в частности возрастанию объема фундаментальных и прикладных исследований, повышению научного потенциала криминалистики и ее общественной значимости в связи с растущей актуальностью борьбы с преступностью [1, с. 98].

Внедрение НТП в криминалистику происходит в различных направлениях, во-первых, это применение новых научно-технических средств в практике предупреждения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний, во-вторых, в криминалистике возникают синтетические отрасли знания (криминалистическая одорология, криминалистическая голография и др.), в-третьих, происходит интеграция криминалистики с другими науками — физикой, химией, математикой, биологией, которая проявляется, прежде всего, в использовании методов этих наук для решения задач борьбы с преступностью. Т.В. Аверьянова называет следующие формы интеграции знаний: а) перенос идей и представлений из одной области знаний в другую; б) использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки; в) формирование комплексных проблем и направлений исследования; г) усиление взаимосвязи наук, различающихся своими предметными областями; д) сближение наук различных типов — фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, высоко формализованных и описательных; е) универсализация средств языка науки; ж) выработка региональных и общенаучных форм и средств познания; з) усиление интегративной роли философии и др. [2, с. 9–15].

Такое разнонаправленное использование достижений НТП в криминалистике обуславливает создание различных криминалистических средств противодействия преступности.

В русском языке термин «средство» означает «прием, способ действия для достижения чего-нибудь» [3, с. 93]. С точки зрения комплексного подхода к противодействию преступности криминалистические средства должны включать в себя весь спектр научно

обоснованных приемов, способов, рекомендаций и технического оборудования, применяемых для раскрытия, расследования и предотвращения общественно опасных деяний. Именно комплексный подход к криминалистическим средствам и их использованию в противодействии преступности способен обеспечить эффективность деятельности правоохранительных органов в этой сфере.

Р.С. Белкин рассматривал криминалистические средства неразрывно с методами и определял их как «разрабатываемые криминалистикой специальные аппаратура, материалы, инструменты, способы действия, рекомендации и пр. по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений» [4, с. 91]. Очевидно, что к криминалистическим средствам он относил аппаратуру, материалы и инструменты, т.е. собственно технико-криминалистические средства [4, с. 221], к методам же — способы действия, рекомендации и прочее, а также «способы изучения, исследования, применяемые в криминалистике для познания предмета криминалистики и объектов реальной действительности» [4, с. 100].

В.Е. Корноухов рассматривает методы науки криминалистики как «систему познавательных процедур, которая в любой науке имеет свои особенности, обусловленные объектом познания, его свойствами» [5, с. 22]. И.Ф. Крылов определял метод в наиболее общем значении этого слова как «путь (способ) исследования явлений в природе и общественной жизни, применяемый для достижения определенной цели» [6, с. 26] и подразделял их на «методы криминалистики как науки (криминалистических научных исследований) и как практики (практической криминалистической деятельности)» [6, с. 27]. Словарь русского языка трактует термин «метод» как «способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь» [3, с. 352].

В криминалистике для устранения противоречий, размывающих теоретические основы науки, и упорядочения языка этой юридической отрасли знания целесообразно разграничить понятия «криминалистические методы» и «криминалистические средства». Под **криминалистическими методами**, по нашему мнению, следует понимать *систему способов теоретического исследования или познавательных процедур (методы науки) и практического исследования (например, вещественных доказательств при проведении экспертизы)*.

Криминалистические средства — это комплекс разработанных на основе научных положений специальной аппаратуры, мате-

риалов, инструментов, методических и тактических рекомендаций, приемов и способов действия, применяемых для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения общественно опасных деяний.

Систему криминалистических средств лучше всего определять, основываясь на их разновидностях. Разнообразие видов криминалистических средств напрямую связано с основаниями, используемыми учеными для их классификации. Так, Р.С. Белкин различал криминалистические средства по источникам происхождения либо содержанию: технические, тактические, методические; по целям: для работы с доказательствами, для предотвращения преступлений; по субъектам: предназначенные для следователя, дознавателя и оперативного работника, для суда, для эксперта [4, с. 91].

Анализ двух последних оснований показывает, что избранный подход является спорным, ибо, во-первых, одно и то же средство может быть использовано как для работы с доказательствами, так и для предотвращения преступлений (например, средства видеонаблюдения и записи), во-вторых, — как следователем или оперативным работником, так и экспертом (например, фотоаппарат). Первое же основание больше всего подходит для определения трехзвенной системы криминалистических средств.

А.Ф. Волынский, рассматривая криминалистические средства в контексте криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, выделяет две группы средств: технические и организационно-тактические. Средства организационного и научно-методического обеспечения он связывает с созданием оптимальной организационной структуры экспертно-криминалистических подразделений и судебно-экспертных учреждений, улучшением форм и методов их работы, а также разработкой и совершенствованием методик экспертного исследования [7, с. 67–68, 227, 321]. Такой подход частично раскрывает систему криминалистических средств.

Большинство авторов, исследуя проблему использования достижений науки и техники в борьбе с преступностью, акцентировали свое внимание лишь на научно-технических средствах. Вопросам применения таких средств в противодействии преступности и их видам посвящены работы Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.А. Волынского, В.И. Гончаренко, Г.И. Грамовича, М.Е. Джакишева, А.В. Золотаря, Г.Г. Зуйкова, Р.М. Ланцмана, В.К. Лисиченко, Н.С. Полевого, Н.А. Селиванова, С.Н. Трегубова, В.И. Шиканова,

А.А. Эксархопуло и др. Так, Г.Г. Зуйков, в частности, писал, что все научно-технические средства, используемые в криминалистике, относятся либо к средствам оперативного характера, специально предназначенным для предотвращения преступлений (*их он именует средствами криминалистической защиты объектов от преступных посягательств — В. Г.*), либо к средствам следственно-оперативного и исследовательского характера, применяемым для обнаружения, фиксации, изъятия следов преступлений и исследования вещественных доказательств. Средства, применяемые для предотвращения, по его мнению, используются для: выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений; устранения возможности осуществления общественно опасных посягательств или затруднения совершения уголовно наказуемых деяний; своевременного пресечения совершаемого преступления; создания условий, обеспечивающих быстрое обнаружение виновных, объектов преступного посягательства и раскрытие преступления [8, с. 12–13]. Криминалистический характер им придает то, что их разработка, применение и усовершенствование в значительной мере основаны на обобщении следственной практики и данных науки криминалистики, которая, изучая способы совершения и сокрытия преступлений, дает свои рекомендации о времени и месте применения таких средств [8, с. 19–21].

На необходимость выделения технико-криминалистических средств предупреждения преступлений указывали также в своих трудах И.А. Алиев, В.П. Колмаков, И.Я. Фридман и др. В частности, В.А. Волынский отмечает, что значение решения проблем разработки средств криминалистической техники на опережение весьма велико. Особенно это важно в части разработки средств предотвращения преступлений [9, с. 17–20].

Все эти рассуждения, обосновывающие разнообразие видов технических средств, используемых для выявления, расследования и предотвращения преступлений, доказывают необходимость их включения в систему криминалистических средств, и что они носят полицелевой характер.

Таким образом, наиболее удачна, по нашему мнению, система криминалистических средств, основанная на источниках их происхождения, включающая в себя технико-криминалистические, тактико-криминалистические и методико-криминалистические средства. При этом следует иметь в виду, что целевой направленностью таких

средств является криминалистическое обеспечение противодействию преступности. Поэтому, хотя они и имеют разные источники происхождения, все они могут быть использованы в той или иной мере для решения задач, как криминалистической техники, так и тактики или методики.

Прежде чем определить понятие «техничко-криминалистические средства», необходимо выяснить содержание и соотношение того терминов с «криминалистической техникой» и «научно-техническими средствами» (НТС). Нередко термины «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» отождествляются [10; 6, с. 39]. Последний термин употребляется в двух значениях: как раздел науки криминалистики и как совокупность технических средств, специально разрабатываемых криминалистикой, приспособляемых ею для решения своих задач либо заимствующих из других отраслей знания [11, с. 32–35; 6, с. 144–145]. Термин «криминалистическая техника» следует понимать в первом значении, которое должно быть единственным. Наиболее полное определение криминалистической техники сформулировал Г.И. Грамович, который понимает под этим термином «систему научно обоснованных положений, сведений и знаний, полученных в результате обобщения передового опыта правоохранительных органов, исследовательской работы, всестороннего использования данных естественных наук, направленных на дальнейшее изучение и совершенствование уже имеющихся технических средств и методов, а также на разработку и внедрения новых с целью их эффективного применения при строжайшем соблюдении законности для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений» [12, с. 30].

Во втором значении термин «криминалистическая техника» целесообразно заменить термином «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики» (НТСРПИРЗК). Это позволит избежать путаницы, наполнить язык криминалистики четким и однозначным содержанием и обеспечить правильное понимание основных положений данной науки.

Нередко в литературе НТСРПИРЗК определяют термином «научно-технические средства» [13, с. 8]. Так, В.В. Трухачев под научно-техническими средствами понимает «любые технические

устройства, приспособления, материалы, предназначенные или приспособленные для поиска, обнаружения, фиксации и исследования доказательственной информации» [14, с. 88]. Очевидно, что эти понятия не тождественны, ибо НТС включает в себя не только средства, разрабатываемые криминалистикой, приспособляемые либо используемые для решения ее задач, но также общетехнические средства, которые созданы не для целей противодействия преступности. «Термин «научно-техническое средство», — отмечал Р.С. Белкин, — а) не отражает специфических, то есть криминалистических целей применения средств и б) излишне претенциозен, ибо ряд технико-криминалистических средств не может быть назван научными (например, щуп, молоток для простукивания, валик для раскатки краски при дактилоскопировании, дактилоскопическая игла)» [1, с. 205].

Следовательно, понятие «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики» является подсистемой одновременно понятий «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» и полностью входит в них. Соотношение понятий «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» основывается лишь на пересечении их объемов, относящихся к той предметной области, которая определяется использованием некоторой части НТС в противодействии преступности. Утверждать в данном случае, что понятие одного термина шире другого не совсем корректно, ибо непересекающиеся содержательные части их понятий трудно соотносимы. Поэтому термин «научно-технические средства» следует из криминалистического языка исключить, заменив его полностью соответствующим по смыслу и содержанием термином «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики». Содержание этого термина очерчено границами пересечения понятий «научно-технические средства» и «криминалистическая техника». Поэтому под НТСРПИРЗК следует понимать *приборы, инструменты, приспособления, материалы, а также приемы и способы их применения, специально разработанные, приспособленные или взяты без изменения из других областей человеческой деятельности и используемые для выявления, расследования и предотвращения преступлений.*

Поскольку научно-технические средства, разрабатываемые криминалистикой, приспособляемые либо используемые для решения

ее задач, включают в себя ту часть НТС, которая применяется в криминалистической практике без изменения и не требует разработки специальных приемов, то понятие данного термина в этой части выходит за пределы понятия «криминалистические средства». Это обстоятельство исключает возможность рассматривать НТСРПИРЗК как структурный элемент криминалистических средств. В связи с этим целесообразно использовать термин «технико-криминалистические средства» [4, с. 221], который имеет самостоятельное содержание и не призван, как утверждает В.В. Трухачев, основываясь на позиции В.Д. Арсеньева, подменить собой понятие научно-технических средств [14, с. 91].

Таким образом, криминалистические средства представляют собой комплекс разработанных криминалистической наукой технических средств, рекомендаций, приемов и способов противодействия преступности, и состоят из технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств.

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. — 3-е изд., доп. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2001. — 837 с.
2. Аверьянова Т.В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источник и основы новых методов судебной экспертизы / Т.В. Аверьянова. — М. : Изд-во Акад. МВД РФ, 1994. — 123 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. — 23-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1990. — 917 с.
4. Белкин Р.С. Криминалистика : учеб. слов.-справ. / Р.С. Белкин. — М. : Юристъ, 1999. — 266 с.
5. Курс криминалистики. Общая часть / Р.С. Белкин [и др.] ; отв. ред. В.Е. Корноухов. — М. : Юристъ, 2000. — 782 с.
6. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. — М. : Дело, 2001. — 800 с.
7. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского. — М. : Закон и право : Юнити-Дана, 1999. — 615 с.
8. Зуйков Г.Г. Понятие, классификация и основные направления использования научно-технических средств криминалистики для предотвращения преступлений / Г.Г. Зуйков // Вопросы судебной экспертизы : сб. ст. — Баку, 1966. — С. 12–13.

9. Волынский В.А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Волынский. — М., 2001. — 417 с.

10. Зуев Е.И. Организационно-тактические и процессуальные проблемы использования научно-технических средств при расследовании преступлений / Е.И. Зуев // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел : тр. Акад. МВД СССР. — М., 1984. — С. 68–70.

11. Волынский В.А. Криминалистическая техника : наука — техника — общество — человек / В.А. Волынский. — М. : Юнити-Дана, 2000. — 311 с.

12. Грамович Г.И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы) : монография / Г.И. Грамович. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. — 214 с.

13. Гончаренко В.И. Научно-технические средства в следственной практике / В.И. Гончаренко. — Киев : Вища шк., 1984. — 149 с.

14. Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации / В.В. Трухачев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. — 232 с.

Информация об авторе

Григорович Василий Леонидович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Академия МВД Республики Беларусь, 220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Машерова, 6, e-mail: gvlmail@mail.ru.

Information about the author

Grigorovich, Vasiliy L. — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminalistics, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 6 prospectus of Masherov, 220005, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: gvlmail@mail.ru.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРИГОВОРА — НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются отдельные проблемные вопросы, возникающие в процессе постановления приговора с назначением наказания в виде лишения свободы с отбыванием его в колонии-поселении. Называются причины уклонения осужденных от отбывания данного вида наказания. Анализ уголовно-процессуального законодательства приводит авторов к выводу, что при постановлении приговора не исследуется должным образом вопрос о возможности самостоятельного следования осужденного в колонию-поселение. Обращается внимание на необходимость законодательного закрепления ответственности осужденных за уклонение от отбывания назначенного наказания, а также разъяснения его обязанностей и правовых последствий в случае уклонения от отбывания наказания. Сформулированы и обоснованы предложения по внесению изменений в действующий уголовно-процессуальный закон и другие законодательные акты, которые будут способствовать четкому исполнению приговора суда.

Ключевые слова: постановление приговора, колония-поселение, самостоятельное следование к месту отбывания наказания, уклонение от отбывания наказания, резолютивная часть приговора, заключение под стражу.

I. I. Guseva, V.N. Zubkov

THE SENTENCE — SOME PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

This article discusses some of the problems arising in the process of sentencing with the appointment of the penalty of imprisonment with serving it in a colony-settlement. Called the reasons of evasion of the convicted from serving the punishment. Analysis of the Criminal Procedural Law leads the authors to insights that when the sentence is not investigated properly the question of the possibility of self-repetition condemned in a

colonia-settlement. Attention is drawn to the need for legislative consolidation of these responsibilities is convicted for evasion from serving of the appointed punishment, and to clarify its responsibilities and the legal consequences in case of evasion from punishment serving. Formulated and substantiated proposals for amendments to the current Criminal Procedure Law and other legislative acts that will facilitate precise execution of the sentence of the court.

Keywords: the sentencing, the colony-settlement, independent following to a place of serving of punishment, evasion from serving of a criminal punishment, the operative part of the verdict, detention.

Проблемы постановления приговора не одно десятилетие исследуются учеными-процессуалистами с различных ракурсов [1–5 и др.]. Ряд работ затрагивает отдельные аспекты совершенствования круга вопросов, разрешаемых в совещательной комнате [1, с. 35–67, 6, с. 58–60 и др.]. В то же время, практически не изученными остались проблемы полноты установления обстоятельств о способе следования осужденного к месту отбывания наказания, возникающие при разрешении судом вопроса о виде исправительного учреждения, определении режима содержания подсудимому, в отношении которого назначено наказание в виде лишения свободы с отбыванием его в колонии-поселении.

Статья 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса (далее — УИК РФ) предусматривает два пути следования в колонию-поселение: под конвоем или самостоятельно за счет государства. Решение о направлении в колонию-поселение осужденного под конвоем принимается судом при постановлении приговора, если подсудимый до вынесения приговора содержался под стражей, а также, если в отношении него в соответствии с п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ было принято решение об изменении меры пресечения на заключение под стражу.

Второй путь — самостоятельное следование в колонию-поселение, несмотря на то, что осуществляется за счет государства, является экономически более выгодным, поэтому именно ему отдается предпочтение. Судами Российской Федерации в 2015 г. вынесено 21 715 постановлений, предусматривающих самостоятельное следование осужденного в колонию-поселение. В то же время, ежегодно более 25 % осужденных этой категории (за прошедший год эта цифра

составляла 5766 человек¹) объявляются в розыск, в связи с их неявкой за предписанием в территориальный орган или непосредственно к месту отбывания наказания.

Причины уклонения от отбывания наказания различны. Это и желание отсрочить исполнение наказания, и нежелание вообще отбывать наказание, и стечение различных обстоятельств, мешающих осужденному своевременно прибыть к месту назначения. А.И. Гальченко в качестве основной причины называет низкий социальный статус этой категории осужденных, многие из которых злоупотребляют спиртными напитками [7, с. 29].

Исключить данные причины в рамках постановления приговора с одной стороны сложно. Вряд ли кто из подсудимых заявит в суде, что будет затягивать или скрываться от исполнения назначенного судом наказания. Не является бесспорным основанием для избрания или изменения меры пресечения в суде на заключение под стражу и соответственно направления в колонию-поселение под конвоем наличие сведений о личности подсудимого: его пристрастиях к спиртному или иным наклонностям, невысоком уровне умственного развития, слабой экономической обеспеченности, низкой социальной установке, если в ходе расследования уголовного дела или в судебном заседании со стороны обвиняемого (подсудимого) не допускалось каких-либо нарушений, и отсутствуют основания, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

С другой стороны, значительно уменьшить случаи уклонения от отбывания наказания вполне возможно. Для этого суду надлежит выяснять у подсудимого вопрос о возможности его самостоятельного следования в колонию-поселение без проволочек и руководствоваться исследованными в судебном заседании обстоятельствами, свидетельствующими об этом, при постановлении приговора и определении способа следования к месту отбывания наказания.

Анализируя содержание статей 299, 304, 307, 308, 309, 313 УПК РФ, приходим к выводу, что отражаемое в резолютивной части приговора решение о порядке следования осужденного к месту отбывания наказания в случае назначения ему отбывания лишения свободы в колонии-поселении (п. 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ) не разрешается су-

¹ Отчет о результатах работы по розыску осужденных, уклонившихся от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания за декабрь 2015 г. (нарастающим итогом) Форма «КП-Розыск».

дом при постановлении приговора (так же, как и п. 12 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, но это тема другого исследования). Поэтому на практике в колонию-поселение самостоятельно следуют все осужденные, не содержащиеся на момент провозглашения приговора под стражей или освобожденные из-под стражи в зале суда, вне зависимости от их возможности и, в некоторых случаях, желания.

Разумеется, при назначении наказания не выясняется желание подсудимого, если оно не заявлено в обоснованном ходатайстве. В то же время возникает несколько вопросов:

– может ли при постановлении приговора суд в целях обеспечения исполнения приговора (ч. 2 ст. 97 УПК РФ) при отсутствии иных оснований удовлетворить ходатайство подсудимого, не содержащегося под стражей, о направлении его в колонию-поселение под конвоем (справедливости ради следует заметить, что на практике такие случаи единичны)

– когда должно быть заявлено такое ходатайство подсудимым, если он узнаёт о наказании лишь после оглашения приговора. Нелогично было бы со стороны подсудимого заявлять такое ходатайство, когда он рассчитывает, например, на применение условной меры, отсрочки исполнения наказания. В то же время такое ходатайство можно расценить как побуждение суда к выбору именно такого наказания.

Проблему можно исключить, предусмотрев на законодательном уровне обязанность суда выяснять наличие препятствий у подсудимого для самостоятельного следования к месту отбывания наказания и соответственно надлежащего исполнения приговора, при имеющейся альтернативе выбора вида исправительного учреждения и способа следования к месту отбывания наказания.

Кроме вышеперечисленных, причины неявки в колонию-поселение могут быть уважительными. Так, в 2015 г. в отношении 92-х осужденных, объявленных в розыск, судом причины неявки за получением предписания или непосредственно в колонию-поселение были признаны уважительными, и осужденному повторно была предоставлена возможность самостоятельного следования к месту отбывания наказания¹.

¹ Отчет о результатах работы по розыску осужденных, уклонившихся от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания за декабрь 2015 г. (нарастающим итогом) Форма «КП-Розыск».

В большинстве случаев это оправданно. Однако на практике встречаются случаи, когда выявленная уважительная причина существовала и на момент постановления приговора, а кроме того не позволяет и в дальнейшем осужденному прибыть за предписанием или следовать к месту отбывания наказания. К таким обстоятельствам можно отнести: низкую платежеспособность подсудимого, затрудняющую его явку в территориальный орган (расположенный в другом населенном пункте), куда он должен прибыть за свой счет; неумение ориентироваться в пути следования при необходимости осуществления пересадок; возникшие проблемы со здоровьем, не исключающие возможности отбывания наказания; необходимость обеспечения личной безопасности; ходатайство подсудимого (осужденного) о доставлении его в колонию-поселение под конвоем и т.п. [8, с. 60–61].

Рассмотренная проблема отпадет сама собой, если ч. 1 ст. 299 УПК РФ дополнить новым п. 9.1 следующего содержания: «имеются ли обстоятельства, препятствующие подсудимому при назначении ему отбывания лишения свободы в колонии-поселении, прибыть после вступления приговора в законную силу за получением предписания и самостоятельно следовать к месту отбывания наказания в порядке, установленном статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Установив указанные обстоятельства, суд при постановлении приговора в соответствии с п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ может назначить (или оставить без изменения) подсудимому меру пресечения в виде заключения под стражу, определив следование в колонию-поселение под конвоем. Для предоставления суду в стадии исполнения приговора возможности принять решение о заключении осужденного под стражу, а также о направлении его в колонию-поселение под конвоем, при выявлении неустранимых уважительных причин, препятствующих ему прибыть к месту отбывания наказания, необходимо внести соответствующие дополнения в ст. 397 УПК РФ.

В целях исключения разночтений в законодательных актах предлагаемое дополнение УПК РФ потребует внесения соответствующих изменений в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ. Как было отмечено выше, неустранимые обстоятельства, препятствующие явке за получением предписания и самостоятельному следованию к месту отбывания наказания, могут быть установлены при постановлении приговора в отношении подсудимого, а также при исполнении приговора в отно-

шении осужденного. В этой связи ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ требует внесения изменений в части замены слова «осужденный» словами «подсудимый или осужденный». В контексте указанной части, действующей в настоящий момент, говорится о заключении под стражу и направлении под конвоем осужденного в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации. Названные основания заключения под стражу могут возникать лишь в ходе предварительного расследования или в ходе судебного разбирательства, и соответствующее решение может быть принято именно в отношении подсудимого при постановлении приговора в порядке п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Поэтому внесение оговоренных изменений представляется целесообразным.

Следующим моментом, заслуживающим, на наш взгляд, внимания, является необходимость законодательного закрепления ответственности осужденных за уклонение от отбывания назначенного наказания, которую следует закрепить в УИК РФ [8, с. 62]. В рамках же постановления приговора будет уместным предусмотреть отражение в резолютивной части приговора разъяснения правовых последствий уклонения осужденного от отбывания наказания и его обязанности уведомить соответствующие органы о невозможности явки за получением предписания или самостоятельного следования к месту отбывания наказания. Данной нормой следует дополнить ст. 309 УПК РФ, что потребует внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ и отдельные законодательные акты, регламентирующие порядок судебного делопроизводства, порядок направления в колонию-поселение осужденных¹.

¹ Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апр.2003 г. № 36 (в ред. от 18.02.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Инструкции по направлению в колонию-поселение осужденных к лишению свободы, в отношении которых судом принято решение, предусматривающее самостоятельное следование осужденного к месту отбывания наказания : Приказ Минюста РФ от 6 апр.2009 г. № 102 (ред. от 01.02.1012) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Правил оплаты проезда осужденных, самостоятельно следующих в колонию-поселение, и обеспечения их продуктами питания (деньгами) на время проезда : Постановление Правительства РФ от 5 авг. 2009 г. № 634 (в ред. от 07.03.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» и др.

Четкая конкретизация в УПК РФ вопросов, подлежащих разрешению судом при постановлении приговора и в связи с его исполнением, а также признание на законодательном уровне других предлагаемых нами изменений поможет суду при постановлении приговора принять обоснованное решение о мере пресечения подсудимого и о порядке следования осужденного в колонию-поселение, что позволит существенно сократить количество осужденных, объявленных в розыск, и ускорить процесс исполнения приговора.

Список использованной литературы

1. Загорский Г.И. Постановление приговора: проблемы теории и практики : учеб.-практ. пособие / Г.И. Загорский. — М. : Проспект, 2010. — 200 с.

2. Маликов М.Ф. Концептуальные основы изучения судебного приговора : учеб. пособие / М.Ф. Маликов. — Уфа : РИО БашГУ, 2003. — 266 с.

3. Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / И.А. Остапенко. — Владимир, 2007. — 21 с.

4. Попова Е.И. Некоторые типичные ошибки, допускаемые при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / Е.И. Попова // Российский судья. — 2016. — № 4. — С. 43–47.

5. Дикарев И.С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании / И.С. Дикарев // Законность. — 2009. — № 3. — С. 42–44.

6. Попова И.П. Некоторые вопросы порядка постановления обвинительного приговора / И.П. Попова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — Вып. 2 (8). — С. 56–65.

7. Гальченко А.И. Розыск осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении / А.И. Гальченко // Законность. — 2010. — № 12. — С. 29–31.

8. Гусева И.И. Уклонение осужденных от исполнения приговора — следствие погрешностей законодательства? / И.И. Гусева, А.П. Гусев // Вестник Владимирского юридического института. — 2016. — № 3 (40). — С. 60–63.

Информация об авторах

Гусева Ирина Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, e-mail: guseva-ir@mail.ru.

Зубков Владимир Николаевич — старший преподаватель, кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, e-mail: z-vladimir-z@mail.ru.

Information about the authors

Guseva, Irina I. — PhD in Law, Associate Professor, Deputy head of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of the Law Faculty, VLI of the FPS of Russia, 67e Big Nizhny Novgorod Str., 600020, Vladimir, Russian Federation, e-mail: guseva-ir@mail.ru.

Zubkov, Vladimir N. — Senior Lecturer, Private Law Disciplines Department of Law and Management Faculty, VLI of the FPS of Russia, 67e Big Nizhny Novgorod Str., 600020, Vladimir, Russian Federation, e-mail: z-vladimir-z@mail.ru.

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ С УЧАСТИЕМ ПСИХОЛОГА В ПРИНЯТИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

В статье анализируется значение судебных экспертиз с участием психолога в принятии судебных решений. Обосновывается необходимость назначения и производство данного рода экспертиз, когда в суде возникает необходимость в оценке явлений, относящихся к психической деятельности участников уголовного или гражданского судопроизводства. Автор делает выводы о значимости и целесообразности назначения комплексных или однородных судебных экспертиз с участием психолога, основываясь на анализе актуальных случаев из судебной практики, когда выводы эксперта-психолога влекут определенные юридические последствия.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, судебное решение, заключение эксперта, экспертные выводы, оценка заключения.

M.L. Dyomina

THE IMPORTANCE OF FORENSIC ENQUIRY INVOLVING A PSYCHOLOGIST IN JUDGEMENT

The article analyzes the importance of forensic enquiry involving a psychologist in judgment. The necessity of assigning and obtaining forensic expertise when it is necessary to estimate the facts dealing with the mental activity of participants of criminal or civil proceedings is justified in this article. The author draws conclusions about the importance and expediency of assigning complex or similar forensic expertise involving a psychologist, based on the analysis of relevant cases from the jurisprudence, when the expert-psychologist's conclusions have certain legal consequences.

Keywords: forensic expertise (enquiry), forensic and psychological expertise, judgment, expert's conclusion, expert conclusions, assessment of conclusion.

Тенденция к расширению сферы применения специальных психологических знаний для расследования уголовных и разрешения

гражданских дел проистекает из активно формирующего в настоящее время состязательного уголовного и гражданского процесса. Однако следует заметить, что отмечающееся интенсивное привлечение психологов в уголовное и гражданское судопроизводство в качестве экспертов и специалистов, а также усиливающееся внимание к достижениям психологической науки со стороны судебно-следственных органов не всегда оправдано.

Известно, что применение знаний психологии в судопроизводстве началось значительно позднее, чем, к примеру, психиатрии. Как известно, в XVII–XVIII вв. еще обосновывались отдельные психологические теории и их применение в судебной практике считалось преждевременным. Только с конца XIX–XX в. стали разрабатываться основы судебно-психологической экспертизы, когда психология заявила о себе как самостоятельная наука, выделившись из философии, медицины и педагогики.

Следует отметить, что судебные экспертизы с участием психологов имеют, в общем, небольшую историю — около 45 лет. Их активное применение в 50–60-е гг. XX в. во многом было обосновано такими прогрессивными юристами, как Г.М. Миньковским, А.Р. Ратиновым, Л.И. Рогачевским, А.С. Экмекчи и др., которые выявили поводы и необходимость использования психологических познаний в форме судебной экспертизы.

В настоящее время правовые основания, в том числе судебных экспертиз с участием психологов, заложены в Федеральном законе «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73. Так, в ст. 9 дается развернутое понятие судебной экспертизы, согласно которому судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертов по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу»¹.

¹ О государственной судебной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание Законодательства. РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

Согласно ст. 2 упомянутого выше закона задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

По мнению автора данной статьи, цель судебной экспертизы с участием психолога состоит в том, чтобы служить эффективным и надежным средством установления истины по гражданскому или уголовному делу, на основе использования достижений науки психологии в ходе экспертных исследований. Другими словами, судебная экспертиза с участием психолога является тем каналом, по которому поступают новейшие достижения науки, позволяя при этом объективно и всесторонне получать доказательство.

В научной литературе акцентируется внимание на том, что в настоящее время при производстве судебных экспертиз существует три вида участия психологов: 1) в качестве судебных экспертов при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) выступают медицинские психологи, работающие в судебно-экспертных учреждениях Министерства здравоохранения РФ; 2) в качестве судебных экспертов при проведении однородных судебно-психологических экспертиз (СПЭ) выступают эксперты-психологи, работающие в судебно-экспертных учреждениях Минюста России; 3) в качестве судебных экспертов при проведении однородных судебно-психологических экспертиз выступают психологи, не являющиеся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений (преподаватели вузов, эксперты негосударственных экспертных учреждений и пр.) [1].

Ф.С. Сафуанов обращает внимание на то, что у однородных экспертиз имеется своя методологическая специфика, а также акцентирует внимание на том, что вопросы, решаемые СПЭ и КСППЭ пересекаются лишь частично [2]. Между тем все возрастающая потребность судебно-следственных органов в производстве комплексных экспертиз, с точки зрения теории и практики судебно-психологической экспертизы, не всегда оправдана.

Для того, чтобы определиться со значением и целесообразностью производства комплексных или напротив однородных судебных

экспертиз с участием психолога, важно рассмотреть общепринятые основания их назначения.

Как правило основаниями привлечения психологов в решении задач, поставленных перед судебно-следственными органами, являются сомнения в способности участников уголовного или гражданского судопроизводства быть субъектами правовых отношений, их индивидуально-психологические особенности, влияющие на селективность поведения в юридически значимых ситуациях и пр.

Так, например, общеизвестными в судебной практике и имеющими юридические последствия являются следующие виды экспертиз с участием психолога.

1. В уголовном судопроизводстве: экспертиза аффекта; экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемых; экспертиза несовершеннолетних обвиняемых с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством; экспертиза матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка; экспертиза по установлению ограниченной вменяемости; экспертиза способности правильно воспринимать обстоятельства уголовного дела и давать о них показания; экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством; экспертиза потерпевших по установлению их способности правильно воспринимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление.

2. В гражданском судопроизводстве: экспертиза по установлению морального вреда; экспертиза сделокоспособности; экспертиза по семейным спорам, связанных с защитой интересов детей [3].

Между тем, каждый из перечисленных видов судебной экспертизы с участием психолога может быть рекомендован как комплексный или однородный вариант производства. Основными критериями для определения правильного назначения вида экспертизы являются знания о компетенции экспертов психологов и психиатров.

Например, экспертиза аффекта, назначаемая для установления обстоятельств, указанных в ст. 107, 113 УК РФ, может быть проведена в рамках однородной судебно-психологической экспертизы, поскольку речь идет о психической норме, что не является прерогативой эксперта-психиатра. Если у органов следствия и суда не возникает сомнения в психическом здоровье обвиняемого, то назначение КСППЭ считается не целесообразным.

Современная отечественная психологическая наука располагает многочисленными теоретическими и экспериментальными данными, конкретными методами исследования, которые могут быть применены для решения вопросов, возникающих в процессе рассмотрения гражданских или расследования уголовных дел.

Однако стоит отметить об имеющихся в настоящее время дефектах экспертных исследований, связанных с их методической стороной. Известно, что основная информация, необходимая для психологической реконструкции и оценки параметров деятельности подэкспертного в юридически значимой ситуации, а также значительная часть сведений для исследования его психологических особенностей, отражена в материалах уголовного или гражданского дела [4]. Очевидно то, что без активного выявления из материалов уголовного или гражданского дела требуемой эксперту информации провести экспертизу, в принципе, невозможно. Данный аспект касается прежде всего экспертиз, исследующих деятельность в конкретных обстоятельствах, но также и экспертиз личности. В последнем случае экспериментально полученные сведения о тех или иных особенностях личности должны быть обязательно сопоставлены с информацией, содержащейся в материалах дела.

Таким образом, для объективного и полноценного экспертного вывода психолога необходимо предоставление всех материалов уголовного или гражданского дела, включая материалы проверки, видеозаписи следственных действий, фото- и видеоматериалы продуктов деятельности подэкспертного и пр.

Необходимо также подчеркнуть, что научные положения, применяемые экспертом-психологом, должны быть обязательно апробированы в экспертной практике, поскольку научно обоснованные теории и методы, используемые, например, в одной области прикладной психологии не всегда могут быть уместно применены к другой. Так, например, тот же психоанализ в психотерапии.

Стоит отметить, что судьи должны ориентироваться в общих представлениях о производстве психологических экспертиз, необходимых для определения достоверности, обоснованности экспертных исследований, а также иметь общее представление о методах и методиках комплексного психологического исследования личностных особенностей.

Для того чтобы судья мог реально представлять себе современные возможности судебно-психологической экспертизы ему следует

знать о новейших достижениях в данной области научных знаний, о новых методах судебной экспертизы, знать систему государственных экспертных учреждений, научно-исследовательских институтов, не входящих в систему государственной экспертной инфраструктуры, для того, чтобы грамотно и аргументировано ставить вопрос о необходимости назначения и проведения данного вида экспертиз.

Известно, что заключение судебно-психологической экспертизы подлежит судебной оценке. Важно также отметить, что в целях получения разъяснений и дополнений возможен допрос эксперта в суде, результаты которого фиксируются в протоколе судебного заседания. Следует отметить, что заключение экспертизы оценивается по внутреннему убеждению суда, однако, на определенном правовом основании. При этом определяется достоверность и научная обоснованность экспертного заключения. Очевидно также то, что признание судом экспертного заключения достоверным и обоснованным делает его источником прямых или косвенных доказательств.

В этой связи стоит упомянуть, что доказательственное значение заключения эксперта определяется тем, входят ли обстоятельства, установленные экспертом, в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), или же они являются доказательственными фактами, уликами. Стоит подчеркнуть, что некоторые авторы, в том числе А.М. Зинин и Н.П. Майлис отмечают, что, как правило, эти обстоятельства имеют решающее значение (например, беспомощное состояние потерпевшего). При этом, если установленные экспертом факты не входят в предмет доказывания, то они, соответственно, относятся к косвенным доказательствам [5, с. 193–194].

Д.А. Степаненко и В.А. Полянская отмечают, что оценка заключения эксперта — это сложная мыслительная деятельность, включающая изучение и анализ информации, содержащейся непосредственно в экспертном исследовании и приложении к нему. Специальные знания в этой области, необходимы судье и для адекватного понимания заключений эксперта, сделанных им выводов, оценки методов исследования, научности данного заключения и его доказательственной значимости [6]. В этой связи стоит согласиться с авторами, что доказательственная ценность заключения эксперта-психолога определяется формой его выводов. Также следует подчеркнуть, что наибольшую силу имеют категорические выводы. Например, о том,

что подэкспертный мог правильно воспринимать обстоятельства дела и может давать о них показания. Как отмечает Ю.К. Орлов, такие факты на практике считаются очень вескими, а иногда и неопровержимыми доказательствами [7, с. 6–7].

Следовательно, исходя из ст. 80 УПК РФ, экспертное заключение оценивается по внутреннему убеждению суда, основанному на принципах всесторонности, полноты и объективности, сначала в отдельности и потом в совокупности с другими доказательствами. Именно по такому принципу, орган или лицо, назначившие экспертизу, проводят оценку заключения эксперта-психолога. Если заключение признано полным, ясным и обоснованным, то оно, соответственно, может служить доказательством по делу.

Важно также отметить, что современные представления о предмете ряда судебно-психологических экспертиз носят в настоящее время достаточно дискуссионный и спорный характер. Например, предмет судебно-психологической экспертизы по видеозаписям следственных действий. При этом, правоприменительная практика нуждается в более расширенном диапазоне данных экспертных исследований. Между тем, приходится констатировать, что современные научные исследования в области судебно-психологических экспертиз не поспевают за запросами судебной практики.

Следует отметить, юридические последствия таких экспертиз, с точки зрения юристов, совсем необязательно должны носить прямое квалифицирующее значение. Очевидно, что практические работники правоохранительных и судебных органов высказывают мнение о том, что выводы судебно-психологической экспертизы играют важную роль в формировании их внутреннего убеждения [8].

Необходимо отметить, что использование психологических познаний в рамках судебных экспертиз способно повысить достоверность, информативность и надежность экспертных выводов, а также определить большее доверие к ним со стороны судебных органов [9].

Анализ судебной практики показывает, что в результате применения специальных психологических знаний, позволяющих более полно раскрыть причины и условия, способствовавшие совершению преступления, а также внутренние механизмы поступков участников уголовного и гражданского процесса, существенно расширяется возможность доказывания многих фактов, необходимых для спра-

ведливого и правильного разрешения уголовных и гражданских дел [10].

Таким образом, разрешение ряда специальных вопросов, возникающих в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел, неукоснительно требует использования достижений психологической науки.

Список использованной литературы

1. Сафуанов Ф.С. Судебные экспертизы с участием психолога в Российской Федерации: формы, виды, перспективы межведомственного взаимодействия [Электронный ресурс] / Ф.С. Сафуанов, Т.Н. Секераж // Юридическая психология. — 2006. — № 1. — Режим доступа: <http://www.psyjournals.ru>.

2. Сафуанов Ф.С. Судебные экспертизы с участием психолога в Российской Федерации / Ф.С. Сафуанов // Ананьевские чтения — 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы науч. конф., 19–21 октября 2010 г. / отв. ред. Л.А. Цветкова. — СПб., 2010. — Ч. 2. — 592 с.

3. Русаковская О.А. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] / О.А. Русаковская, Ф.С. Сафуанов, Н.К. Харитоновна // Психология и право. — 2011. — № 1. — Режим доступа : <http://www.psyandlaw.ru>.

4. Ситковская О.Д. Новые направления судебно-психологической экспертизы / О.Д. Ситковская, Л.П. Коньшева, М.М. Коченов. — М. : Юрлитинформ, 2000. — 160 с.

5. Зинин А.М. Судебная экспертиза : учебник / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. — М. : Право и закон ; Юрайт-Издат, 2002. — 320 с.

6. Степаненко Д.А. К вопросу об оценке заключения эксперта-психолога / Д.А. Степаненко, В.А. Полянская // Юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 37–40.

7. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) / Ю.К. Орлов. — М. : Юрист, 1995. — 64 с.

8. Полянская В.А. О некоторых вопросах назначения судебно-психологической экспертизы в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / В.А. Полянская // Коченовские чтения «Психология и право в современной России», 2012. — Режим доступа : <http://www.psyjournals.ru>.

9. Медицинская и судебная психология : курс лекций / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Генезис, 2016. — 656 с.

10. Ильина В.А. Современные возможности судебно-психологической экспертизы : учеб. пособие / В.А. Ильина. — Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2014. — 107 с.

Информация об авторе

Дёмина Марина Леонидовна — преподаватель, кафедра уголовно-процессуального права и криминалистики, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, эксперт-психолог, Центр экспертной службы, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а, e-mail: dyomina-mari@mail.ru.

Information about the author

Dyomina, Marina L. — Lecturer, the Law of Criminal Procedure Department, East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Psychological Experts, Expert Service Center, 23a Ivana Franco Str., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: dyomina-mari@mail.ru.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ТРЕБОВАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЕ К ПРИГОВОРУ

В статье представлен стандартный (необходимый) набор инструментов обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве с позиций Конституции РФ и права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного ст. 6 ЕКПСЧ: право на судебную защиту и пересмотр судебного решения, просьба о помиловании, реальное, а не формальное обеспечение прав участников в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, недопустимость ущемления прав и законных интересов и др. Рассмотрено требование справедливости приговора и иного судебного решения, а также правовые последствия установления несправедливости предшествующей уголовно-процессуальной деятельности и судебного решения вышестоящими судебными инстанциями.

Ключевые слова: справедливость, уголовное судопроизводство, законность, обоснованность, приговор, право на справедливое судебное разбирательство, возвращение уголовного дела прокурору.

O.V. Evstigneyeva

JUSTICE AS THE REQUIREMENTS FOR SENTENCE

The article presents the standard (required) set of tools to ensure fairness in criminal proceedings from the standpoint of the Constitution and the right to a fair trial under Art. 6 EKPSCH: the right to judicial protection and judicial review, a request for clemency, the actual, not the formal promotion of the rights of participants in the course of criminal procedure, the inadmissibility of violation of the rights and legitimate interests, etc. is considered an equitable judgment and other court decisions. as well as the legal implications of the establishment of injustice prior criminal procedure and court decisions by higher courts.

Keywords: justice, criminal justice, rule of law, the validity of the sentence, the right to a fair trial, the return of the criminal case to the prosecutor.

Справедливость как разумная соразмерность, эквивалентность, упорядоченного равенства и неравенства подвергалась исследованию уже в античности в трудах таких древнегреческих мыслителей, как Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур. Аристотелевская теория справедливости и в настоящее время сохраняет свое научно-методологическое значение. Как важнейшая социальная и культурная ценность и одновременно регулятивный принцип общественного устройства справедливость является предметом изучения практически всех сфер гуманитарного знания: философии, социологии, политологии, экономики и т.д. Однако, именно право воплощает в себе наиболее острые и конфликтные попытки поиска справедливости. В последнее время возрос и научный интерес к исследованию данной категории. Одна за другой проводятся научные конференции, посвященные проблемам справедливости. Это обусловлено в первую очередь изменением социальных ценностей в нашем государстве, где, вопреки господствовавшему ранее общественному интересу на первый план выходит обеспечение справедливого баланса частных и публичных интересов, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Справедливость как конституционный принцип, имеющий определяющее значение для всех других отраслей права, получил свое теоретическое обоснование. [1, с. 6–12]. Практическую значимость исследованиям принципа справедливости в уголовном судопроизводстве придает тот факт, что Конституция Российской Федерации закрепила не только «веру в добро и справедливость», но и конкретные юридические механизмы реализации справедливости как регулятивного принципа. Формально-юридически этот принцип ни в Основном Законе, ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ не выражен, однако можно назвать несколько сотен решений Конституционного Суда, в которых конституционный принцип справедливости находится в основе сформулированной правовой позиции Суда и принятого на ее основе решения, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

С вхождением России в Совет Европы и распространением на ее территорию юрисдикции Европейского суда по правам человека, обеспечение «права на справедливое судебное разбирательство», выступающего в качестве средства защиты всех остальных прав и свобод, стало для нашего государства одной из насущных задач [2, с. 3–16]. Европейский Суд (далее — Суд) по правам человека неоднократно

подчеркивал фундаментальное значение этого права в демократическом правовом государстве. Таким образом, справедливость на сегодняшний день можно рассматривать и как конституционный, и как международно-правовой, фундаментальный и основополагающий принцип в области защиты прав человека.

Вместе с тем, в Российском уголовном судопроизводстве требование справедливости традиционно рассматривалось применительно к приговору. Отметим, что П.А. Лупинская вполне обоснованно предлагала распространять требование справедливости и на иные судебные решения [3, с. 201–206]. К сожалению, УПК РФ данную идею не принял. Однако, справедливость как требование, предъявляемое к приговору, было прямо закреплено в ст. 297 УПК РФ. Большинство ученых в настоящее время разделяют представление о справедливости как характеристике приговора в узком и широком смысле. Приговор справедлив, когда наказанию подвергнут только действительно виновный и само наказание соответствует тяжести совершенного преступления и личности осужденного. При этом требование справедливости тесно переплетается с требованиями законности, обоснованности и мотивированности приговора [4, с. 448]. Незаконный, необоснованный и немотивированный приговор не может быть справедливым. Такой предельно широкий подход к требованию справедливости, на наш взгляд, создает почву для приживления Европейских стандартов справедливости на российскую почву. Право на справедливое судебное разбирательство предполагает обязательное соблюдение определенной совокупности процедурных правил, в основе которых лежит стремление обеспечить не формальное, а фактическое равенство возможностей сторон представлять свои интересы в суде. И в этом смысле данное право выходит за рамки требования законности, закрепленного в ст. 7 УПК РФ и ст. 297 УПК РФ. Оно распространяет свое действие на сферу правоприменения и создает почву для оценки вышестоящими судами действий нижестоящих судов не только с точки зрения результата, но и самой процедуры, имеющей не менее важное значение. Практика Европейского суда по правам человека наглядно демонстрирует стремление к достижению баланса публичных и частных интересов. Она в изобилии содержит разного рода исключения из ранее выведенных правил, но в твердо установленных границах: каждое ограничение субъективного права, вызванное публичным интересом, должно иметь возможность быть компенсированным.

Идеи глобализации, движение государств навстречу друг другу, их постепенно нарастающее желание занять свое место в обновленном мире с неизбежностью ведут к сближению правовых систем. Это проявляется и в сфере уголовного судопроизводства: вхождение России в Совет Европы предопределило принятие нового УПК и ряд появившихся в нем прогрессивных изменений (например, закрепление принципа разумного срока уголовного судопроизводства, появление процедуры признания доказательств недопустимыми). На наш взгляд, можно констатировать, что движение Российского уголовного судопроизводства в направлении постепенного впитывания Европейских стандартов права на справедливое судебное разбирательство привело к возникновению некоего гибридного формирования. Так, с одной стороны, все более широкое закрепление находят процедурные, процессуальные гарантии. Тем более что Европейский суд по правам человека постоянно стимулирует Россию к тому, чтобы эти гарантии наполнялись реальным содержанием, а не выглядели пустым лозунгом. С другой стороны, Россия не стремится, и это правильно, расставаться с традиционно присущими ей институтами. Вот и требование справедливости судебного решения из теоретической конструкции превратилось в правовую реальность после его прямого закрепления в тексте ст. 297 УПК РФ [5, с. 54–57]. Однако, форма его закрепления вызывает ряд существенных замечаний. С одной стороны, исходя из текста закона, требование справедливости вроде бы имеет значение для любого вида приговора. Тем не менее, раскрывая его конкретное содержание и опираясь при этом на ст. 389-18 УПК РФ, мы обнаруживаем, что закрепленные в этой статье правила имеют значение только для приговора обвинительного. Поскольку в оправдательном приговоре не может идти речь о соответствии назначенного наказания тяжести совершенного преступления и личности осужденного по своему виду или размеру, как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости. Однако, исходя из содержания ст. 297 УПК РФ, требование справедливости, предъявляемое к итоговому процессуальному решению, должно носить универсальный характер. Мы утверждаем, что ошибочно вынесенное решение, как о виновности, так и о невиновности, не может считаться справедливым. Именно на этих позициях стоит Конституционный Суд РФ. Судебная ошибка должна быть исправлена вышестоящим судом, независимо от того, является ли данное решение окончательным, и тем более, если

оно не вступило в законную силу. Как судебную ошибку следует оценить ситуацию, когда обстоятельства события преступления отражены в приговоре неверно, либо им дана неправильная уголовно-правовая оценка [6, с. 208–221]. При этом установление в законе преград, препятствующих самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона, по мнению Конституционного Суда РФ, противоречит принципам справедливости и равенства перед законом и судом [7, с. 167–175].

В литературе было отмечено, что уголовно-процессуальное регулирование должно обеспечивать поддержание справедливого баланса в защите таких конституционных ценностей, как право на судебную защиту и правовая определенность [8, с. 17]. В Конституции РФ, провозглашающей идею справедливости как основополагающую, в качестве конкретных правовых механизмов ее обеспечения предусмотрены:

- право каждого на судебную защиту его прав и свобод на основе равенства перед законом и судом;
- право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом;
- право обратиться с просьбой о помиловании или смягчении наказания.

Нарушение уголовного закона, выразившееся в неправильной квалификации содеянного, может быть допущено как органами предварительного расследования, прокурором, так и судом. При этом обстоятельства дела могут свидетельствовать о необходимости применения уголовного закона о более тяжком преступлении, и такой приговор в силу вышеизложенного, нельзя признать правосудным и соответствующим требованию справедливости в его широком смысле. Суд апелляционной инстанции, как и суд первой инстанции, самостоятельно изменить обвинение на более тяжкое не может. Возникает вопрос: возможно ли устранение такого нарушения судом апелляционной инстанции путем возвращения уголовного дела прокурору в целях предъявления более тяжкого обвинения?

В отношении суда первой инстанции данный вопрос разрешен законодателем положительно. В 2014 г. в ст. 237 УПК РФ внесены соответствующие изменения и в ней появилось новое основание для возвращения дела прокурору, предусмотренное п. 6 ч. 1 данной статьи, предусматривающее направление дела прокурору в ситуации, ко-

гда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении или акте, указывают на необходимость квалификации деяния как более тяжкого. Поскольку производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в том же порядке, что и производство в суде первой инстанции, а в ч. 3 ст. 389-20 УПК РФ содержится прямая отсылка к части 1 ст. 237 УПК РФ, логично предположить, что в суде апелляционной инстанции принятие такого решения также возможно. Суд в современном уголовном процессе, по утверждению А.В. Смирнова, «не должен быть слишком связан лишь аргументами и доводами сторон» [9, с. 328]. Однако, в суде апелляционной инстанции действует ряд дополнительных ограничений. Одним из таких ограничений выступает правило, закрепленное в ч. 1 ст. 389-24 УПК РФ о недопустимости поворота к худшему, согласно которому обвинительный приговор может быть изменен в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей, представителей.

Следовательно, суд апелляционной инстанции вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с необходимостью квалификации деяния как более тяжкого лишь при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела, в которых поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного. Причем, как указал Конституционный Суд РФ, это возможно, в том числе и в ситуации, когда в жалобе потерпевшего или представлении прокурора поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а доводы о неправильной правовой оценке фактических обстоятельств дела отсутствуют. По мнению Конституционного Суда РФ, суд апелляционной инстанции рассматривая дело по своему внутреннему убеждению, вправе отменить решение суда первой инстанции, которое он считает неправосудным¹.

¹ По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

С учетом вышеуказанного, в уголовно-процессуальной науке принято говорить о «материальной» и «процессуальной справедливости» [10, с. 150–155]. Однако, на наш взгляд, обе эти составляющие охватываются требованием справедливости в широком смысле слова, которая характеризует не только назначенное судом наказание, но и всю процедуру судопроизводства в целом.

Список использованной литературы

1. Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Пресняков. — Саратов, 2010. — 51 с.

2. Алексеева Л.Б. Практика применения ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека / А.Б. Алексеева. — М. : Изд-во «Рудомино», 2000. — 158 с.

3. Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Lupinskaya. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 240 с.

4. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.А. Лазаревой. — М. : Юстиция, 2015. — 656 с.

5. Загорский Г.И. Обеспечение законности, обоснованности и справедливости приговора / Г.И. Загорский // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : материалы междунар. науч.-практ. конф. — М., 2014. — С. 54–57.

6. Мядзелец О.А. Проверка апелляционной инстанцией законности, обоснованности и справедливости судебных решений по уголовному делу (по материалам судебной практики Московского областного суда) / О.А. Мядзелец // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : материалы междунар. науч.-практ. конф. — М. : МАЭП, 2014. — С. 208–221.

7. Кальницкий В.В. Возвращение дела прокурору для усиления обвинения — результат последовательного развития позиций Конституционного Суда РФ по обеспечению справедливого уголовного судопроизводства / В.В. Кальницкий // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : материалы междунар. науч.-практ. конф. — М., 2014. — С. 167–175.

8. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути

совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.С. Дикарев. — Волгоград, 2016. — 51 с.

9. Смирнов А.В. О справедливости в праве и в процессе / А.В. Смирнов // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. 20–21 марта 2015 г. — СПб., 2016. — Ч. I. — С. 323–331.

10. Васильев Н.В. О соотношении понятий «материальная» и «формальная» справедливость / Н.В. Васильев, А.В. Бажанов // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : материалы междунар. науч.-практ. конф. — М., 2014. — С. 150–155.

Информация об авторе

Евстигнеева Ольга Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, e-mail: evstig-olga@yandex.ru.

Information about the author

Evstigneyeva, Olga V. — PhD in Law, Associate Professor, Doctoral Student in the Criminal Process, Saratov State Academy of Law, 1 Volsky Str., 410056, Saratov, Russian Federation, e-mail: evstig-olga@yandex.ru.

**О СУДЕБНОМ ПРИГОВОРЕ:
АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ**

В статье рассматриваются принципиально новые положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре», ориентирующие суды на обеспечение справедливости судебного разбирательства и дисциплинирующие участников расследования и раскрытия преступлений, побуждая их точно и неуклонно соблюдать требования закона. Автор приходит к выводу о том, что для вынесения приговора суд должен оценить все предшествующее производство по делу, поскольку законный и справедливый приговор не может быть постановлен на основе предварительного расследования, проведенного с существенными нарушениями закона. Делается вывод о том, что необходимые судебные действия для проверки заявления подсудимого о применении незаконных методов расследования могут осуществляться не только по ходатайству прокурора (государственного обвинителя), а также по ходатайству стороны защиты в целях подтверждения данных, предоставленных в заявлении о незаконных методах расследования, а также по инициативе суда.

Ключевые слова: приговор, постановление Пленума Верховного Суда РФ, защита прав участников уголовного судопроизводства, явка с повинной, незаконные методы производства расследования.

O.V. Kachalova

**ABOUT COURT SENTENCES:
ANALYSIS OF KEY PROVISIONS OF RESOLUTION
OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT**

The article deals with a fundamentally new provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the court verdict», orienting the courts to ensure the fairness of the trial and disciplining members of the investigation and solution of crimes, encouraging them to accurately and consistently comply with the require-

ments of law. The author concludes that the sentencing court must evaluate all previous proceedings as legitimate and fair verdict can not be agreed on the basis of the preliminary investigation carried out with significant violations of the law. The conclusion is that the necessary legal steps to verify the statements of the defendant on the use of illegal methods of investigation can be carried out not only at the request of the public prosecutor (state prosecutor), as well as on the application of the protection of the parties in order to confirm the data provided in the application of illegal methods of investigation, and also on the initiative of the court.

Keywords: verdict, judgment of the Supreme Court of the Russian Federation, protection of rights of participants in criminal proceedings, voluntary surrender illegal production methods of investigation.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55¹ стало важным шагом в решении задачи обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Основные идеи, заложенные в данном Постановлении, совершенно очевидно свидетельствуют о повышении его правозащитного потенциала и направленности на достижение задач надлежащего и эффективного обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

При этом из текста проекта следует, что, рассматривая уголовное дело по существу и вынося приговор, суд должен оценить все предшествующее производство по делу, поскольку законный и справедливый приговор не может быть постановлен на основе предварительного расследования, проведенного с существенными нарушениями закона. Большинство положений проекта так или иначе призвано в определенном смысле дисциплинировать всех участников расследования и раскрытия преступлений, побуждая их точно и неуклонно соблюдать требования закона.

Целый ряд положений проекта заслуживает особого внимания. Безусловно положительным моментом является указание в п. 1 на то, что законным может быть признан приговор, который с учетом ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства. Наличие данного пункта

¹ Российская газета. 2016. 7 дек.

побуждает суды обращаться к положениям вышеуказанных международных актов, анализировать правовые позиции Европейского Суда по правам человека по соответствующим вопросам, что должно привести к усилению уровня судебной защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве. Следует отметить, что необходимость соблюдения положений ст. 6 Европейской Конвенции побуждает суды оценивать всю справедливость процесса в целом, начиная с момента осуществления принудительных действий в отношении лица, подвергаемого уголовному преследованию. Это касается и обеспечения права на защиту (на всех этапах производства по делу), и недопустимости применения незаконных методов расследования и др.

Серьезный правозащитный потенциал заложен и в п. 9 данного постановления: в случае признания полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности доказательств недопустимыми, содержащиеся в них данные не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия). Очевидно, что также не могут быть допрошены в качестве свидетеля дознаватель или следователь, производивший дознание или предварительное следствие с целью установления содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде. Эти положения соответствуют правовым позициям Конституционного Суда РФ¹.

Следует также обратить особое внимание на п. 8 постановления, который призван противодействовать порочной и, к сожалению, достаточно широко распространенной практике вынесения так называемых флеш-приговоров, в которых копируются сведения, представленные в обвинительных заключениях, обвинительных постановлениях и обвинительных актах, стимулируя суды давать собственную оценку обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела и представлять их в собственном изложении.

Важным шагом на пути реального обеспечения прав участников уголовного судопроизводства является указание в п. 10 на то, что при разрешении вопроса о возможности использования сведений, указанных в письменном или устном заявлении подсудимого о явке с повинной, в качестве доказательства по уголовному делу суду надле-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

жит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому в соответствии с требованиями ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ при принятии от него такого заявления права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав. Очевидно, что если эти права не были реально обеспечены, либо сведения, указанные в заявлении о явке с повинной, не подтверждаются совокупностью других доказательств, то они не могут быть положены в основу обвинения. Полагаем, что доказательственное значение явка с повинной может иметь, в первую очередь, тогда, когда сведения, изложенные в ней и касающиеся конкретных фактических обстоятельств совершенного преступления, подтверждены в дальнейшем в признательных показаниях, данных подозреваемым или обвиняемым, а также не противоречат совокупности доказательств, собранных по уголовному делу. В любом случае явка с повинной будет иметь доказательственное значение для установления обстоятельств, смягчающих наказание.

Впервые в пп. 12 и 13 постановления определяется алгоритм действий суда в случае заявления подсудимого о применении к нему незаконных методов ведения расследования. В частности, указывается, что суд должен принять достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого, направить заявление подсудимого для проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, оценить материалы этой проверки, отразить свои выводы в приговоре.

Полагаем, что суд должен в любом случае оценить обоснованность объяснений должностных лиц, проводивших расследование по факту применения насилия, оценить расследование, проведенное по жалобе, с точки зрения его эффективности (оперативность, тщательность, компетентность, квалифицированность, независимость и беспристрастность).

Выводы проверки не могут основываться лишь на показаниях предполагаемых нарушителей, которые отрицают все утверждения заявителя о ненадлежащем обращении.

Результаты проверки должны подтверждаться совокупностью непротиворечивых доказательств, опровергающих доводы жалобы.

Особое значение, на наш взгляд, имеет п. 14, в котором указывается, что если в ходе судебного разбирательства доводы подсудимого

о даче им показаний под воздействием незаконных методов ведения расследования не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании и положены в основу приговора.

Вместе с тем, полагаем, что некоторые положения анализируемого постановления не в полной мере соответствуют задачам эффективной защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В частности, п. 12 постановления предусматривает, что необходимые судебные действия для проверки заявления подсудимого о применении незаконных методов расследования могут осуществляться по ходатайству прокурора (государственного обвинителя). Полагаем, что подобного рода судебные действия могут осуществляться также и по ходатайству стороны защиты в целях подтверждения данных, предоставленных в заявлении о незаконных методах расследования, а также по инициативе суда.

Информация об авторе

Качалова Оксана Валентиновна — доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом проблем уголовного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, e-mail: oksana_kachalova@mail.ru.

Information about the author

Kachalova, Oksana V. — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Justice, Russian Academy of Justice, 69 Novocherymushkinskaya Str., 117418, Moscow, Russian Federation, e-mail: oksana_kachalova@mail.ru.

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ И ЗАКОНОВ ЛОГИКИ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ
КАЧЕСТВЕННОГО РЕЗУЛЬТАТА СЛЕДСТВЕННОЙ
И СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье акцентируется внимание на важности соблюдения требований, предъявляемых логикой, к процессу получения знаний в ходе уголовно-процессуального доказывания. Критикуются высказывания ученых, считающих необязательным соблюдение этих требований. Указывается на взаимосвязь соблюдения логических законов и результата уголовно-процессуального доказывания, в частности, на то, что принципиальное значение в уголовном судопроизводстве имеет логический закон достаточного основания, поскольку он непосредственно связан с обоснованностью уголовной ответственности. Отмечается также зависимость качества и эффективности использования юридических документов от знания логических правил и приемов, требующих четкого, однозначного и непротиворечивого формулирования их содержания. Делается вывод о том, что не владение либо игнорирование правил и законов логики негативно отражается как не только на процессе уголовно-процессуального познания, но и на итогах следственной и судебной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, законы и правила логики, качество процессуальных документов.

S.V. Kornakova

**COMPLIANCE WITH THE RULES AND LAWS OF LOGIC
AS A NECESSARY CONDITION FOR THE QUALITY OF THE
RESULT OF THE INVESTIGATIVE AND JUDICIAL ACTIVITIES**

The article focuses on the importance of respecting the requirements of logic, the process of acquiring knowledge in the course of criminal procedure proof. Criticized the statements of the scholars, consider the optional compliance with these requirements. It indicates the relationship of the observance of the laws of logic and of the result of proof of criminal procedure, in particular, that the logical law of sufficient reason in criminal proceedings is of fundamental importance, since it is connected with the

rationale of responsibility. There is also the dependence of the quality and effectiveness of the use of legal documents from the knowledge of logical rules and techniques, which requires clear, unambiguous and consistent articulation of their content. It is concluded that ignorance or ignoring of the laws of logic and rules has a negative impact on both the process and outcome of investigative and judicial activities.

Keywords: criminal procedure, evidence laws and rules of logic, the quality of procedural documents.

Логическим правилам и логическим законам должно подчиняться любое претендующее на истинность рассуждение, при этом и не имеет абсолютно никакого значения, осознает или не осознает это сам рассуждающий. Английский философ Дж.Ст. Милль отмечал, что «предписания логики не могут быть выкинуты из учения о процессе уголовном уже и потому практическому до обыденности соображению, что логика живет во всех исследованиях, которые могут быть предпринимаемы человеком» [1, с. 224]. Поэтому соблюдение в процессе уголовно-процессуального познания законов логики является одним из необходимых условий правильности выводов и принятых на их основе уголовно-процессуальных решений.

В сфере юриспруденции несомненное значение логических учений отмечается многими учеными. Так, безусловно справедливым является утверждение П. Сергеича о том, что законное определение преступления составляет чисто рассудочную деятельность, подчиненную исключительно требованиям логики [2, с. 123]. По мнению же некоторых авторов, логика не в состоянии заполнить своими средствами пропасть, которая образуется между общими установками и высказываниями о единичных предметах. В частности, Ю.С. Юринская в результате анализа природы судейского усмотрения пришла к выводу о наличии элемента явно нелогического свойства, якобы посредством которого суд приходит к определенному умозаключению, каковым, по ее мнению, и является усмотрение суда [3, с. 150–151, 154].

Представляется, что применение судейского усмотрения, в частности, при назначении наказания отнюдь не означает, что мыслительная деятельность судьи не подчиняется логическим законам. Так, например, лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если примирилось с потерпевшим и им заглажен причиненный преступлением вред (ст. 76 УК РФ). Принятие решения в таком случае облака-

ется в форму гипотетического силлогизма, большая посылка которого представляет собой конъюнкцию (необходимую совокупность) условий, являющихся основанием имплицативного суждения: 1) преступление совершено впервые; 2) совершено преступление небольшой тяжести; 3) имеет место примирение с потерпевшим; 4) имеет место заглаживание причиненного преступлением вреда.

Как известно, движение мысли от утверждения основания к утверждению следствия является законом логики (*modus ponens*) [4, с. 59], поэтому данная форма умозаключения дает достоверный вывод. Установление наличия каждого из перечисленных условий (обстоятельств) является и логическим, и правовым основанием для принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности. Напротив, отсутствие хотя бы одного из необходимых условий является правовым основанием, свидетельствующем об обоснованности привлечения лица к уголовной ответственности.

В процессе судебного разбирательства происходит тщательная проверка объективности собранной на предварительном следствии информации, в ходе которого судья убеждается в обоснованности или необоснованности обвинения на основании только тех доказательств, которые были представлены сторонами и исследованы в условиях судебного следствия, поскольку лишь после этого возможны умозаключения о них. В основе окончательного вывода суда о том, доказано ли событие преступления и совершил ли его обвиняемый, должны лежать знания и логика рассуждений, ничего больше. Судья, объективно и беспристрастно оценив доказательства, должен быть убежден в законности, обоснованности и справедливости своего решения. Именно суд способен «объективно исследовать все собранные по уголовному делу доказательства и прийти к единственно правильному и обоснованному с позиции логики и закона решению» [5, с. 88].

Судебной практикой выработаны условия, при которых обвинение не может быть признано доказанным. При этом недоказанность обвинения может являться следствием нарушения не только требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом, но и требований к процессу получения выводного знания, подчиняющегося законам логики. Так, недопустимо считать обвинение доказанным, если:

– оно основано на недостаточно исследованных данных, что в логическом аспекте является нарушением закона достаточного основания и закона исключенного третьего;

– оно основано на доказательствах, которые противоречат другим доказательствам — нарушение закона исключенного третьего и закона достаточного основания;

– не опровергнута подкрепленная доказательствами версия, являющаяся противоположной версии обвинения, — нарушение закона достаточного основания и закона непротиворечия.

Изложенное свидетельствует о принципиальном значении логического закона достаточного основания в уголовном судопроизводстве, поскольку действие этого закона непосредственно связано с обоснованностью ответственности.

Закон достаточного основания предостерегает от принятия на веру выдвигаемых утверждений, требует их обоснования. Поэтому, с точки зрения закона, в частности, к недопустимым доказательствам относятся сообщаемые свидетелем сведения, если он не может указать источник своей осведомленности, а также основанные на слухах, догадках, предположениях показания свидетеля, потерпевшего (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Отнесение подобных доказательств к недопустимым обусловлено тем, что любые, сообщаемые потерпевшим или свидетелем, сведения должны подлежать проверке, а значит, иметь под собой какое-либо обоснование. Очевидно, что этим требованиям не отвечают слухи, догадки и домыслы [6, с. 233]. Важно подчеркнуть, что наличие оснований, аргументов, доводов, подтверждающих и позволяющих проверить правильность полученных знаний и выводов в процессе уголовно-процессуального доказывания, является решающим требованием, поскольку обязательной чертой знаний, используемых в уголовном судопроизводстве является их проверяемость.

Кроме этого, весь процесс расследования преступления находит отражение в материалах уголовного дела, поэтому результаты познания в сфере уголовного судопроизводства представляют собой письменную форму. В этой связи следует учитывать, что, встретившись с ошибочным изложением или пониманием сказанного в устной речи, можно тут же обнаружить и устранить ошибку, то этого нельзя сделать в письменной речи. Так, например, различные мысли могут отождествляться разными людьми, если они вкладывают в одно и то же понятие разный смысл. Это необходимо учитывать при проведении следственных действий, предполагающих в ходе своего проведения фиксацию вербальной информации (допроса, проверки показаний на месте, очная ставка и др.). Судебной практике известны случаи, когда

на судьбу человека способен повлиять неоднозначно понимаемый смысл слова, что наглядно иллюстрируется следующим примером:

Человек ночью возвращался с охоты, когда находящаяся с ним охотничья собака залаяла. Посветив фонариком, охотник увидел заячьи следы, которые вели к картофельному полю. В протоколе допроса этого человека в качестве подозреваемого дословно записано то, что произошло далее: «Тут из-за картошки мне показались заячьи уши, я выстрелил. Раздался человеческий крик, я подбежал и увидел, что в том месте, куда я стрелял, лежит раненный в голову человек...».

В процессе судебного разбирательства спор в прениях зашел только из-за одного слова, написанного в протоколе допроса, которое самым существенным образом влияло на квалификацию преступления: «показались». Так, анализируя факты, прокурор настаивал на том, что «показались» — означает «померещились», а, значит, совершено неосторожное убийство. Подсудимый же и его адвокат, напротив, утверждали, что «показались» — необходимо понимать, как «увидел эти уши наяву, выдвинулись уши из-за ботвы», следовательно, речь может идти только о несчастном случае [7, с. 272–273].

Зачастую смысл показаний допрашиваемого записывается субъектом доказывания в том виде, в каком этот смысл им постигается. В том случае, если показания им восприняты неточно, неправильно, то может возникнуть опасность их прямого искажения в протоколе допроса. Что и произошло в приведенном выше примере. Фиксируя показания, допрашивающий должен был уточнить у подозреваемого точный смысл употребленного последним слова «показались», поскольку оно является многозначным. Допрашиваемый добросовестно давал показания, а потому на предложение об уточнении показаний в момент допроса ответил бы правдиво. В ситуации же судебного разбирательства подсудимый, скорее всего, будет отвечать то, что ему посоветовал его защитник. В подобных ситуациях действует правило: «любое сомнение толкуется в пользу обвиняемого». Поэтому говорить о том, что в данном случае судом установлена действительная картина происшествия, вряд ли возможно.

Следует подчеркнуть, что искажения в процессуальных документах наиболее опасны по своим последствиям, поскольку на основании этих документов зачастую решается судьба дела и стоящих за ним людей. В частности, иногда имеют место ситуации, когда сравнение показаний, данных свидетелем на стадии предварительного

расследования и в суде, показывает наличие в них противоречий, позволяющих предполагать, что в суде данный свидетель дал ложные показания. Между тем, нередко причина подобных противоречий кроется не в заведомой ложности показаний свидетеля в судебном допросе, а в неправильном восприятии его показаний следователем на стадии предварительного расследования либо в неточной их записи в протоколе допроса. В этой связи С.В. Некрасов обоснованно отмечает, что прокуроры, судьи и иные субъекты доказывания далеко не в порядке исключения сталкиваются с такими ситуациями, когда следователь, дознаватель или секретарь судебного заседания слишком упрощенно, кратко записывают показания, редактируют фразы, подлежащие фиксации, производят добавление собственной интерпретации [8, с. 233] и т. п. Не случайно уголовно-процессуальный закон, предоставляя субъекту доказывания свободу в выборе тактики допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), тем не менее, содержит настоятельную рекомендацию о необходимости по мере возможности дословной фиксации показаний (ч. 2 ст. 190 УПК РФ).

Все процессуальные документы должны отвечать определенным общим требованиям, одним из которых является требование логичности, относящееся к содержанию документа, которое должно быть последовательным, не допускающим противоречий и не вытекающих из текста выводов. В процессуальных документах не рекомендуется использовать личные местоимения и омонимы, поскольку при их употреблении может возникнуть опасность разночтения документа. Единообразное понимание смысла документа должны обеспечивать четкость его текста и однозначность использованных в нем суждений. В то же время использование таких однозначных суждений недопустимо по вопросам, в которых на данном этапе познания отсутствует ясность. Как в этой связи отмечается А.С. Ахмановым, положения, не признанные ни действительно истинными, ни действительно ложными, должны рассматриваться, если они ничему истинному не противоречат, не иначе, как только возможно истинные или как возможно ложные, но они могут по степени вероятности соответствия их действительности приниматься в состав знания в качестве предположений, которые подлежат обязательной дальнейшей проверке. Если же какие-либо положения не имеют никаких оснований, то они вообще должны исключаться из состава знания [9, с. 95].

Таким образом, незнание или игнорирование логических требований негативно отражается как на процессе, так и на итогах следственной и судебной деятельности. В любом случае, знание законов и приемов логики позволяет повысить качество юридического документа, эффективность его использования. Как справедливо отмечала П.А. Лупинская, «именно знание законов и форм мышления помогает следователю и судье в убедительном обосновании своих выводов по делу, четком и непротиворечивом формулировании следственных и судебных документов» [10, с. 28].

Логические законы носят предписывающий характер, именно поэтому логику интересует не то, как мыслит человек, а то, как он должен мыслить [11, с. 18–19]. Логические законы — это средства методологического характера, которые дают общее направление познанию. Значение логической правильности мышления состоит в том, что это необходимое условие гарантированного получения истинных результатов в решении задач, возникающих в процессе познания. В области применения права логическая правильность мышления имеет особую значимость, поскольку неверная оценка собранных доказательств, неправильное установление на их основе действительной картины происшедшего, неточное оформление юридического документа и тому подобное могут произойти как вследствие нарушения процессуальных правил, так и вследствие несоблюдения законов и правил формальной логики. В связи с этим в процессе доказывания по уголовному делу одинаково недопустимы нарушения как правовых требований, так и предписаний логики, а не устраненные в процессе доказывания по уголовному делу ошибки могут повлечь тяжкие последствия — осуждение невиновного или безнаказанность виновного. Таким образом, от того, насколько квалифицированно как с точки зрения закона, так и с точки зрения логики, проведено доказывание, зависит законность, обоснованность и справедливость приговора.

Список использованной литературы

1. Милль Дж.Ст. Система логики / пер. с англ. под ред. П.Л. Лаврова, Ф. Резенером с 5-го Лондон. изд. / Дж.Ст. Милль. — СПб : Издание М.О. Вольфа, 1865. — 548 с.
2. Сергеич П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. — Тула : Автограф, 1998. — 320 с.

3. Юринская И.С. Проблема формально-логического подхода к принятию судебного решения / И.С. Юринская // Вопросы правоведения. — 2012. — № 3. — С. 144–157.

4. Корнакова С.В. Логика для юристов : учебник / С.В. Корнакова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — 122 с.

5. Миронов В.Ю. К вопросу о характере судебной истины и ее связи с уголовно-процессуальной достоверностью / В.Ю. Миронов // Ученые записки : сб. науч. тр. юрид. фак. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2006. — Вып. 3. — С. 216–225.

6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. — М. : Юристъ, 2004. — 800 с.

7. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения / Л.А. Воскобитова [и др.]. — М. : Дело, 2001. — 416 с.

8. Некрасов С.В. Особенности доказывания в уголовном судопроизводстве / С.В. Некрасов // Особенности доказывания в судопроизводстве / под ред. А.А. Власова. — М., 2004. — С. 209–320.

9. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля / А.С. Ахманов. — М. : Соцэгиз, 1960. — 314 с.

10. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие / П.А. Лупинская. — М. : ВЮЗИ, 1966. — 168 с.

11. Войшвилло Е.К. Логика как часть теории познания и научной методологии : учеб. пособие / Е.К. Войшвилло, М.Г. Дягтерев. — М. : Наука, 1994. — 312 с.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova, Svetlana V. — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Law Institute, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье анализируются, данные назначения наказания несовершеннолетним за последние пять лет в России. Кроме того, делается акцент на альтернативные лишению свободы меры воспитательного воздействия, в частности, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Следует сказать, что данная мера существенно отличается от других мер воспитательного воздействия, поскольку она сочетает в себе и государственное принуждение и методы воспитательного воздействия. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отличие от уголовного наказания в меньшей степени причиняют несовершеннолетним преступникам известные лишения и ограничения, свойственные уголовному наказанию.

Ключевые слова: лишение свободы, принудительные меры воспитательного воздействия, преступления средней тяжести, несовершеннолетний преступник, эффективные меры, уголовная политика.

S.A. Koryagina

ACTUAL PROBLEMS OF IMPOSITION OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

In the article, the sentencing of juveniles over the last five years in Russia. In addition, the emphasis on non-custodial educational measures, in particular, placement in a special educational institution of closed type. It should be said that this measure is significantly different from other educational measures because it combines both state coercion and methods of educational influence. The use of coercive measures of educational influence unlike criminal punishment, to a lesser extent cause juvenile offenders known hardships and limitations of criminal punishment and does not constitute a criminal conviction.

Keywords: imprisonment, forced measures of educational influence, crimes of medium gravity, juvenile, effective measures, criminal policy.

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (ст.19), указывает, на то, что помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока. Иными словами, компетентный орган власти должен располагать при разрешении дела в отношении несовершеннолетнего широким комплексом мер воздействия, не связанного с лишением свободы. Вместе с тем, уголовная политика, а вслед за ней и уголовно-исполнительная в настоящее время направлены на гуманное отношение к несовершеннолетним преступникам, и вследствие этого идет поиск видов наказаний с минимальным репрессивным воздействием, а по возможности и назначением мер воспитательного воздействия. Более того, уголовно-правовая политика в области уголовного наказания предполагает увеличение к 2020 г. общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний¹.

Статистические данные назначения наказания несовершеннолетним преступникам в России, свидетельствуют, что за последние шесть лет из возможных видов наказаний, предусмотренных ст. 88 УК РФ к несовершеннолетним осужденным, реально применяется только пять видов: штраф (10,4 %), обязательные работы (19 %), исправительные работы (2 %), ограничение свободы (3 %) лишение свободы (66 %).

Виды наказания, назначенные несовершеннолетним осужденным в 2010–2015 гг., %

Виды наказаний	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего осуждено	46 954	38 287	32 572	29 205	23 586	22 805
Осуждено к видам наказания	45 611	36 986	31 313	27 925	21 595	21 806
В том числе:						
Реальное лишение свободы на определенный срок	8 644	6 065	5 053	4 602	3 923	3 952
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, %	19,0	16,4	16,1	16,5	18,2	18,1

¹ Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. 14 окт. 2010 г. № 1772-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru>.

Окончание табл.

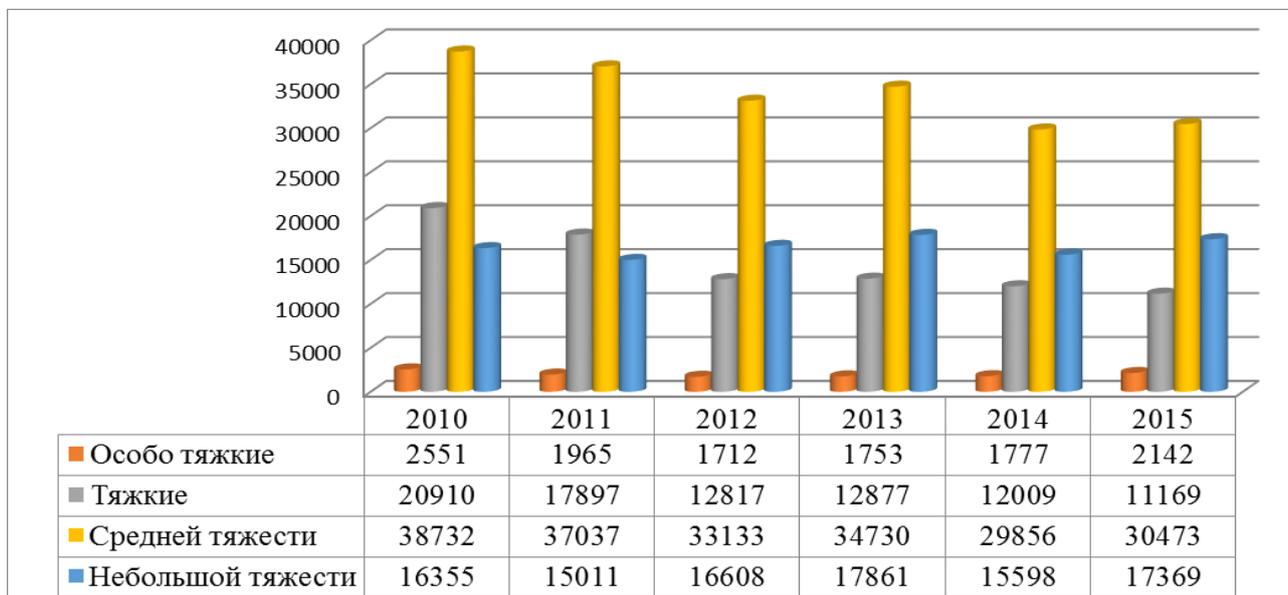
Виды наказаний	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Условное осуждение к лишению свободы	23 069	18 466	13 531	11 487	10 176	9 443
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, %	50,6	49,9	43,2	41,1	47,1	47,0
Условное осуждение к иным мерам	705	513	578	571	343	296
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, в %	1,5	1,4	1,8	2,0	1,6	1,5
Ограничение свободы	488	655	984	962	630	573
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, в %	1,1	1,8	3,1	3,4	2,9	2,0
Исправительные работы	686	407	502	472	295	286
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, в %	1,5	1,1	1,6	1,7	1,4	1,3
Обязательные работы	7 130	6 613	6 749	6 391	3 794	3 828
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, в %	15,6	17,9	21,9	22,9	18,9	19,0
Штраф	4 889	4 267	3 916	3 440	2 253	2 042
удельный вес в общем числе осужденных к мерам наказания, в %	10,7	11,5	12,5	12,3	10,4	10,5

Составлено по данным Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru>.

Анализ статистических данных показал, что основную долю в структуре наказаний назначаемых несовершеннолетним составляет условное осуждение к лишению свободы в среднем 47 % случаев. Кроме этого, отмечается незначительное увеличение удельного веса обязательных работ в 2015 г. на 4 % по сравнению с базовым 2011 г., однако в общей структуре наказаний, назначаемых несовершеннолетним преступникам, эта доля ничтожно мала. Иными словами, в 2015 г. назначили наказание в виде обязательных работ только каждому пятому несовершеннолетнему осужденному.

Следует сказать, что в основном преступления совершенные несовершеннолетними относятся к категории небольшой и средней тяжести. Изучая подростковую преступность по характеру и степени

общественной опасности, отмечается, значительный прирост преступлений небольшой тяжести, совершенных несовершеннолетними, тогда как преступления средней тяжести имеют тенденцию к снижению в 2015 г., однако, в структуре зарегистрированных преступлений разной степени тяжести имеют наибольшее абсолютное число (рис.).

**Динамика зарегистрированных преступлений
разной степени тяжести, совершенных несовершеннолетними
в России, за 2010–2015 гг., %**

Представляется, что по степени общественной опасности преступность несовершеннолетних не так уж и сурова. В основном лица, не достигшие совершеннолетия, совершают корыстные и корыстно-насильственные преступления, доля которых в структуре преступности несовершеннолетних составляет около 85 % в 2015 г. Поэтому можно предположить, что эффективной альтернативой видам наказаний, предусмотренных ст. 88 УК РФ, а конкретно лишению свободы на определенный срок с последующим назначением условного осуждения, могут стать принудительные меры уголовно-правового характера, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 92 УК. Так, в статье говорится, что несовершеннолетний осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления может быть освобожден от наказания путем помещения его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием.

Основанием помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органом образованием характеризуется совокупностью следующих обстоятельств:

- несовершеннолетний подросток осужден за преступления средней тяжести или тяжкого преступления;
- осужденному назначили наказание в виде лишения свободы;
- и лицо, не достигшее совершеннолетия, нуждается, в особых условиях воспитания.

Представляется, что данная мера существенно отличается от других мер воспитательного воздействия, поскольку она сочетает в себе и государственное принуждение и методы воспитательного воздействия. Более того, принудительная мера отличается, своей комплексностью, систематичностью, индивидуально-личностным подходом со стороны педагогов психологов, а также особым условием пребывания.

Статистические данные назначения принудительных мер воспитательного воздействия свидетельствуют не в пользу применения этих мер, так за последние пять лет они были назначены в среднем 1,5 % осужденным от общего числа осужденных подростков.

Думается, что это связано как минимум с двумя проблемами. Представляется, что первая связана с ограниченным числом специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, которые имеются не в каждом субъекте РФ. Так, В России работает шестьдесят учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в 47 субъектах РФ [1]. Вторая проблема связана с законодательной трактовкой, в частности освобождения от наказания путем помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органом управления образованием. Вместе с этим в ч. 2 ст. 432 УПК РФ также отмечается, об освобождении несовершеннолетнего от наказания после постановления в его отношении обвинительного приговора суда и направлении подростка в указанное учреждение. Более того по мнению некоторых ученых, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение подростка не достигшего совершеннолетия является компромиссным решением между принудительными мерами воспитательного воздействия и реальным назначением наказания в виде лишения свободы. Однако, следует заметить, что относительно правовой природы помещения несовершеннолетнего в специальное учреждение закрытого типа органом

управления образованием мнения ученых разошлись. Так, в частности, одни считают «это мерой воспитательного воздействия», другие рассматривают как «юридическую природу одной из самостоятельной формой реализации уголовной ответственности несовершеннолетних» [2, с. 265–266], третьи, авторы, указанные меры относят, к одной из самых строгих принудительных мер воспитательного воздействия [3]. Думается, что следует согласиться с мнением Н.И. Ветрова, который считает рассматривать указанную меру «как основание и условие освобождения от наказания несовершеннолетнего» [3, с. 46], поскольку в статье ч. 2 ст. 92 УК РФ данное освобождение является безусловным.

Более того, для предупреждения совершения новых преступлений несовершеннолетними эффективными мерами могут стать меры воспитательного воздействия путем применения к ним специальных ограничений [4, с. 142–144].

Представляется, что следовало не освободить несовершеннолетнего, а предоставить подростку, впервые совершившие преступление средней тяжести, а также тяжкого, отсрочку исполнения наказания в виде лишения свободы. В случае систематического неисполнения принудительных мер воспитательного воздействия, совершения нового противоправного деяния, отсрочка будет отменена, и несовершеннолетний осужденный, соответственно будет отбывать назначенное ему наказание в виде лишения свободы.

Думается, что применение принудительных мер воспитательного воздействия в отличие от уголовного наказания в меньшей степени причиняют несовершеннолетним преступникам известные лишения и ограничения, свойственные уголовному наказанию, а также не влекут судимости. Кроме этого, подростки могут получить не только образование, но и профессию в специальных профессиональных училищах закрытого типа, а главное поменять микросреду, которая негативно влияла на несовершеннолетнего в процессе формирования его личности.

Представляется, что эффективное применение наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, а также тяжкого впервые должно стать первоочередной задачей компетентных органов, как уголовной, так и уголовно-исполнительной политики и должно обеспечивать защиту общества от преступника. Иными

словами, принудительные меры воспитательного воздействия могут стать такой альтернативой, поскольку сочетают в себе и воспитательный потенциал и меры государственного принуждения при качественно новом подходе их назначения и исполнения.

Список использованной литературы

1. Терентьева В.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Терентьева. — Томск, 2008. — 20 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. — 3-е изд., доп. и испр. — М. : Юрайт-Издат, 2004. — 917 с.

3. Ривлин А.Л. Понятие и содержание устанавливаемой в суде объективной истины в свете применения носового уголовного и уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик / А.Л. Ривлин // Социалистическая законность, толкование и применение советских законов : материалы межвуз. науч. конф. — Киев, 1961. — С. 45–49.

4. Прозументов Л.М. Особенности системы наказаний в отношении несовершеннолетних / Л.М. Прозументов // Бизнес в законе. — 2007. — № 4. — С. 142–144.

Информация об авторе

Корягина Светлана Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

Information about the author

Koryagina, Svetlana A. — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРИГОВОРА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Необходимость особых, упрощенных (суммарных) процедур принятия решений обусловлена стремлением высвободить время и средства для рассмотрения действительно сложных уголовных дел, требующих соблюдения многочисленных процессуальных гарантий, позволяющих избежать судебной ошибки. Однако их применение не должно влечь за собой ущемление прав участников уголовного процесса. В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. На основе существующих точек зрения и анализа правоприменительной практики автором рассмотрены некоторые проблемы, возникающие при применении данного института, в частности при постановлении приговоров. Автор обосновывает необходимость и важность значительного совершенствования правовых норм, регламентирующих особый порядок судебного разбирательства в целях более однозначного и последовательного их толкования и применения, а также гарантий защиты прав граждан.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, особый порядок судебного разбирательства, обвиняемый, гражданский иск, обжалование, приговор.

Yu.A. Kuzovenkova

SOME QUESTIONS OF THE RESOLUTION OF THE SENTENCE IN THE SPECIAL ORDER OF JUDICIAL PROCEEDINGS

The need for special, simplified (overall) decision-making procedures due to the desire to free up time and money for consideration by a really difficult criminal cases, requiring compliance with numerous procedural safeguards to avoid miscarriages of justice. However, their use does not entail infringement of the rights of participants of criminal process. The article analyzes the norms of criminal procedure for the law governing

the special procedure for judicial time of the trial with the consent of the accused with the accusation. On the basis of existing points of view and analysis of law enforcement practice, the author discusses some problems arising from the application of this Institute, in particular the resolution of sentences. The author substantiates the necessity and importance of the significant improvement of the legal norms governing the special procedure for court proceedings in order to more unambiguous and consistent in their interpretation and application, and also guarantees protection of the rights of citizens.

Keywords: criminal proceedings, special proceedings, defendant, civil action, appeal, verdict.

Правосудие есть способ разрешения конфликтов уголовно-правового характера. Оно необходимо постольку, поскольку существует спор о вине. Разрешение этого конфликта нуждается в специальной процедуре, гарантирующей правильное разрешение спора, установление истины, поэтому процедура судебного разбирательства представляет собой сложную совокупность процессуальных действий, направленных на справедливое разрешение уголовного дела. Отсутствие спора о вине делает эту сложную процедуру ненужной. Цели уголовного судопроизводства в этом случае достигаются более простым, более коротким и более дешевым способом.

Институт ускоренных, суммарных, или, как его также именуют, «целерантных производств», заимствован романо-германским уголовным процессом из стран общего права, в частности из США, где он получил особенно широкое распространение. В России впервые упрощенное судопроизводство было введено в 1993 г. При рассмотрении дел судом присяжных судебное следствие могло не проводиться, если подсудимый признает себя виновным, а стороны не настаивают на исследовании всех доказательств. Никакого послабления в назначении наказания закон не допускал, однако, даже в таком варианте эта процедура вызвала шквал гневных обвинений.

Содержание особого порядка судебного разбирательства, установленного гл. 40 УПК РФ, заключается в том, что при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением суд по ходатайству обвиняемого вправе постановить приговор по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы, без исследования доказательств виновно-

сти обвиняемого, при отсутствии возражений со стороны потерпевшего, государственного или частного обвинителя [1, с. 57].

Сторонники особого порядка судебного разбирательства обосновывают свою позицию возможностью более рационально, экономно и эффективно использовать выделяемые для осуществления правосудия ресурсы, гарантировать обеспечение законных прав участников уголовного судопроизводства, значительно сократить сроки рассмотрения уголовных дел [2; 3, с. 43; 4, с. 18; 5, с. 131]. Однако, при применении особого порядка возникает ряд вопросов, касающихся процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, которые до настоящего времени не устранены. Рассмотрим некоторые из них.

1. Представляется, что для подсудимого, главным положительным моментом особого порядка принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, является положение УПК РФ о назначении наказания, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Однако, изучив правоприменительную практику по рассмотрению уголовных дел, можно сделать вывод о том, что срок уголовного наказания по обвинительным приговорам по делам, рассмотренным в особом порядке зачастую значительно превышают срок уголовного наказания по тождественным делам, рассмотренным в общем порядке. В настоящий момент сложилась практика назначения усредненных размеров наказаний, очень редко наказание назначается в максимальных пределах санкции. Поэтому разница между наказанием, назначенным при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, как правило, несущественно отличается от наказания, назначенного при рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Так, например, Самарский районный суд г. Самары в составе председательствующего судьи Н.Н. Чернякова, 9 декабря 2015 г. рассмотрел уголовное дело № 1-115/15 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Уголовное дело было рассмотрено в особом порядке в соответствии с гл. 40 УПК РФ. Суд признал Г. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и назначил наказание в виде 4 лет лишения свободы без штрафа и ограничения свободы, с лишением на основании ст. 47 УК РФ права занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления, связанные с распределе-

нием и использованием материальных средств на 2 года, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима¹.

А вот пример разбирательства аналогичного уголовного дела в общем порядке. Самарский районный суд г. Самары в том же составе рассмотрел уголовное дело 1-225/15 по обвинению З. в совершении преступления, предусмотренном ч. 4 ст. 159 УК РФ 5 августа 2015 г. приговорил З. признать виновной в совершении преступления, предусмотренном ч. 4 ст. 159 УК РФ и назначить наказание в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы без ограничения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима².

2. Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 22.12.2015) устанавливает, что: «Если по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, предъявлен гражданский иск, то при наличии соответствующих оснований он может быть оставлен без удовлетворения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, если это не повлечет изменения фактических обстоятельств дела».

Первая проблема состоит в том, что как правило, суды принимают решение о передаче гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Многие процессуалисты отмечают, что тем самым нарушаются права потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда.

Вторая проблема связана с тем, что гражданский истец и гражданский ответчик не названы в УПК РФ в числе лиц, от волеизъявления которых зависит возможность рассмотрения дела в особом порядке. Сложности возникают в ситуациях, когда гражданский истец и потерпевший (или его представитель) и, соответственно, гражданский ответчик и подсудимый не совпадают в одном лице. Зачастую гражданским ответчиком является страховая организация (в части возмещения имущественного вреда), или работодатель водителя, причинившего вред (в части возмещения морального вреда). Возможно, этот участник процесса больше всего заинтересован в оспа-

¹ Уголовное дело № 1-115/15 // Архив Самарского районного суда г. Самары за 2015 г.

² Уголовное дело № 1-225/15 // Там же.

ривании обвинения, с которым по каким-либо причинам предпочел согласиться обвиняемый [6, с. 100]. Тем не менее, его позиция также не учитывается при принятии решения о рассмотрении дела в особом порядке, а также данный участник процесса, впрочем, как и остальные, не вправе оспаривать приговор в силу прямого запрета закона (ст. 317 УПК) по основаниям п. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

3. Согласно п. 4 ст. 305 и пп. 2, 3 и 4 ст. 307 УПК РФ суд обязан указать в описательно-мотивировочной части приговора: мотивы, по которым он отверг доказательства, представленные сторонами; мотивы изменения обвинения; мотивы решения вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия. Данные положения также отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г., в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» от 11 января 2007 г. и др. При этом закон не указывает, что требования к мотивировке приговора суда не должны распространяться на приговоры, вынесенные в особом порядке судебного разбирательства. Исходя из смысла, назначения и особенностей правового регулирования данных форм правосудия в этих случаях суд не должен мотивировать только один свой вывод — о виновности подсудимого, так как он не проводит в общем порядке исследование доказательств, касающихся обстоятельств совершенного им преступления и его вины [7, с. 96; 8, с. 25–29]. В соответствии с чем в приговоре суда не отражается их анализ и оценка (ч. 8 ст. 316 УПК РФ). По этой же причине невозможно при применении особых порядков и изменение обвинения, поскольку вопрос о виновности подсудимого в ходе такого судебного разбирательства исследованию не подлежит. А вот в остальном приговор суду надлежит мотивировать. В связи с этим представляется разумным скорректировать текст ч. 8 ст. 316 УПК РФ, указав, что анализ и оценка доказательств, подтверждающих обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 299 УПК РФ, в приговоре не отражаются. По всем остальным вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ, приговор должен быть обоснован и мотивирован. Соответствующее мотивирование приговоров будет способствовать достижению целей и решению задач, стоящих перед судебной властью [9, с. 11–12].

Мотивировка приговора является и важным средством самоконтроля судей, которые в процессе изложения мотивов проверяют

правильность и обоснованность своих выводов, исключая возможность допущения судебной ошибки [10, с. 53–54].

4. Приговор, постановленный по результатам рассмотрения дела в соответствии с гл. 40 УПК РФ, имеет ряд особенностей при обжаловании. Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 22.12.2015) устанавливает, что: «согласно статье 317 УПК РФ приговор, постановленный без проведения судебного разбирательства в общем порядке, не может быть обжалован сторонами в кассационном и апелляционном порядке в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. ...Вместе с тем, если в кассационных жалобах или представлениях содержатся данные, указывающие на нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона либо на несправедливость приговора, судебные решения, принятые в особом порядке, могут быть отменены или изменены, если при этом не изменяются фактические обстоятельства дела (например, в связи с изменением уголовного закона, неправильной квалификацией преступного деяния судом первой инстанции, истечением сроков давности, амнистией и т.п.)».

Указание, содержащееся в ст. 317 УПК РФ, определяет, что приговор, вынесенный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном порядке по основаниям п. 1 ст. 389.15 УПК РФ. Данное положение закона вытекает из особенностей порядка постановления судебного решения: особое производство является упрощенным, судебное следствие не ведется, при котором стороны лишены права оспаривать обвинение, суд признает это обвинение обоснованным, а, следовательно, не подлежащим изменению и обжалованию по данному основанию. Так как доказательства в судебном заседании не исследуются, проанализировать и оспорить выводы суда о его обоснованности не представляется возможным.

Так, например, осужденному В. по приговору Самарского районного суда г. Самары от 27 января 2016 г. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 2 годам 10 месяцам, по ч. 1 ст. 162 УК РФ к 3 годам 10 месяцам, по совокупности преступлений, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ, назначено наказание в виде 4 лет 8 месяцев лишения свободы, по совокупности приговоров, на основании ст. 70 УК РФ окончательно назначено наказание в виде 4 лет 10 месяцев лишения свободы. 18 ян-

варя 2016 г В. подал апелляционную жалобу, указав, что не согласен с принятым решением ввиду неправильного применения норм УК РФ. Утверждает, что его действия при совершении преступления квалифицированы не верно, просит в апелляционной жалобе переквалифицировать действия с ч. 1 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 119 УК РФ и снизить наказание. Осужденному В. было отказано в удовлетворении требований, поскольку дело было рассмотрено в особом порядке¹.

5. На сегодняшний момент, упрощенная форма судопроизводства нередко порождает упрощенный подход к расследованию дел, по которым обвиняемые соглашаются с предъявленным обвинением и заявляют ходатайства об особом порядке судебного разбирательства. Следователи не утруждают себя сбором всех возможных доказательств виновности обвиняемого, ограничиваясь его признанием. В результате, когда после поступления дела в суд, подсудимый вдруг заявляет о рассмотрении дела в общем порядке и несогласии с предъявленным ему обвинением, выясняется, что доказывать его вину нечем. Упрощение процедуры иногда ведет к снижению качества работы тех, кто применяет их на практике.

Несмотря на имеющиеся недостатки и критику института особого порядка судебного разбирательства со стороны представителей науки уголовного процесса, вызванные прежде всего качеством работы правоприменителей, в целом институт особого порядка судебного разбирательства является современным, эффективным и оперативным способом достижения целей и задач уголовного судопроизводства. Однако, на наш взгляд, особый порядок судебного разбирательства требует значительного совершенствования в целях гарантий защиты прав граждан.

Список использованной литературы

1. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К.А. Рыбалов. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 152 с.

2. Петрухин И.Л. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. — 2003. — № 2. — С. 24–26.

¹ Уголовное дело 1-3/16 // Архив Самарского районного суда г. Самары за 2016 г.

3. Александров А.С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А.С. Александров // Государство и право. — 2003. — № 12. — С. 43–52.

4. Бирюков Н.В. Проблемы практики применения особого порядка принятия судебного решения / Н.В. Бирюков // Российский судья. — 2005. — № 4. — С. 18–22.

5. Пономаренко С.С. Сделки о признании вины в российском уголовном процессе / С.С. Пономаренко // Правоведение. — 2001. — № 5. — С. 131–135.

6. Фомин А.В. Пути совершенствования института особого порядка судебного разбирательства / А.В. Фомин // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2012. — № 5. — С. 99–101.

7. Апостолова Н.Н. Мотивировка приговоров, вынесенных с применением особых порядков судебного разбирательства / Н.Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2015. — № 2. — С. 95–99.

8. Белоковылский М.С. Некоторые вопросы, возникающие в деятельности суда и сторон при рассмотрении уголовного дела в особом порядке / М.С. Белоковылский, Э.С. Гуртовенко, А.Н. Дмитрошкин // Российский судья. — 2009. — № 3. — С. 25–29.

9. Производство по уголовным делам, подсудным мировым судам. — Ростов н/Д. : ЗАО «Книга», 2011. — 608 с.

10. Ворожцов С.А. Приговор в уголовном процессе / С.А. Ворожцов. — М. : Юрайт-Издат, 2003. — 109 с.

Информация об авторе

Кузовенкова Юлия Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, e-mail: kuzovenkova@hotmail.com.

Information about the author

Kuzovenkova, Yuliya A. — PhD in Law, Associate Professor, Criminal Procedure and Forensic Studies Department, Samara National Research University, 34 Moscow highway, 443086, Samara, Russian Federation, e-mail: kuzovenkova@hotmail.com.

НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРИГОВОРАХ СУДА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются некоторые аспекты осуществления правосудия по делам об экологических преступлениях. В частности, рассматриваются отдельные положения, нашедшие отражение в приговорах суда по указанной разновидности преступлений. Выявлены проблемы в установлении некоторых признаков, имеющих непосредственное значение для квалификации данных преступлений и назначении наказания за их совершение. Вызывает много вопросов формальный подход суда к характеристике объективной стороны экологических преступлений, связанных с захватом природных ресурсов, выражающийся в игнорировании соучастия при их совершении. Кроме того, вскрыто ориентирование суда на применение поверхностного подхода к определению обстоятельств, смягчающих наказание, в виде признания явки с повинной и учета болезни виновного. Указанные аспекты не находят должной аргументации в приговорах суда по делам об экологических преступлениях, что ставит под сомнение качество обвинительных приговоров и соответствие их закону в части законности, обоснованности и справедливости вынесенного решения.

Ключевые слова: обвинительный приговор, экологические преступления, явка с повинной, соучастие, обстоятельства, смягчающие наказание.

I.V. Lavigina

AMBIGUOUS PROVISIONS IN THE COURT VERDICT ON CRIMINAL CASES ABOUT ENVIRONMENTAL CRIMES

The article discusses some aspects of the administration of justice in cases of environmental crimes. In particular it is considered separate provisions, as reflected in the verdict in this species of crime. The problems in establishing certain features of direct relevance to the qualification of these crimes and awarding punishment for their commission. Raises many ques-

tions formal approach to the characterization of the objective of the court by environmental crimes related to the seizure of natural resources, expressed in disregard of complicity in their commission. In addition, opening of the orientation of the court on the application of a superficial approach to the definition of the circumstances mitigating the punishment, in the form of acceptance and surrender account of the perpetrator of the disease. These aspects do not find adequate reasoning in the verdict in the cases of environmental crimes, which casts doubt on the quality of made by sentencing and compliance with the law in terms of their lawfulness, reasonableness and fairness of the decision.

Keywords: conviction, environmental crime, voluntary surrender, complicity, circumstances mitigating punishment.

Ухудшение экологической обстановки в России в целом и отдельных ее регионах и, как следствие этого, устойчивая тенденция увеличения числа регистрируемых экологических преступлений в последнее десятилетие стало закономерностью. На современном этапе охрана природы уголовно-правовыми методами обоснована острой необходимостью. В настоящее время с уверенностью можно заявить, что современная экологическая обстановка в России угрожает основам жизнедеятельности человека. Экологические преступления по своей опасности выдвигаются на одно из первых мест, ставя под сомнение возможность существования будущих поколений. Президент РФ В.В. Путин неоднократно заявлял, что «Эффективное управление природными ресурсами является основой устойчивого развития государств, напрямую влияет на сохранение флоры и фауны планеты, а главное — на качество жизни и здоровье миллионов людей. Проблемы рационального природопользования, улучшения экологической обстановки в числе наших значимых национальных приоритетов» [1]. В этой связи, вынесения законных, обоснованных, справедливых приговоров по делам об экологических преступлениях приобретают особую важность и значимость.

Очень неубедительным представляется факт осуществления явки с повинной как одного из распространенных вариантов поведения лиц, совершающих экологические преступления. Так, Иркутский районный суд Иркутской области по делу Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ в качестве обстоятельств, смягчающих наказание в силу ч. 1 ст. 61 УК РФ, при-

знал явку с повинной, что обеспечило возможность назначить наказание в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 62 УК РФ¹. Действительно, достаточно часто в приговорах суда по указанной разновидности дел можно встретить ссылку на наличие такого обстоятельства, смягчающего наказания, как явка с повинной². При этом в мотивировочной части приговора не находит отражения информация об обстоятельствах совершения явки, ее причинах. Ведь в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного суда РФ³ под явкой с повинной следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде. Особо акцентируется внимание на том, что не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления.

Интересным представляется вывод о том, что явка с повинной на практике встречается достаточно редко, по данным авторского исследования, не более 8 % от всех случаев деятельного раскаяния [2, с. 150]. Это заключение с точки зрения логики вполне понятно. Явка с повинной предполагает установление совокупности признаков ее характеризующих, основополагающим из которых является добровольность сообщения о совершенном преступлении при наличии объективных факторов обеспечения безопасности виновного от привлечения к уголовной ответственности (когда не известен факт совершения преступления, или дело не раскрыто, или не установлено лицо, совершившее преступление и т.п.). При этом лицо, совершившее преступления, осознавая возможность остаться безнаказанным, является с сообщением о своем участии в этом преступлении и готовности нести наказание. Совершенно понятно, что такое развитие событий является редким, исключительным из общего стереотипа поведения преступников.

Действительно, сегодня явка с повинной в практике понимается неоправданно шире [3, с. 217], чем это следует из буквального текста закона. Думается, что с полным правом можно утверждать, что такой расширительный способ толкования закона в рассматриваемой сфере

¹ URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/683027432>.

² URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/683529767>; URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/682198367>.

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек. П. 29.

приводит к искажению воли законодателя и не соответствует духу закона. Явка с повинной в идеальном варианте должна быть вызвана раскаянием, именно так проявляется ее подлинное значение.

Совершенно справедливо отмечается, что выяснение всех обстоятельств получения явки с повинной является важнейшим условием для признания протокола явки с повинной допустимым доказательством [4, с. 41]. В ходе судебного заседания необходимо очень внимательно отнестись к оценке факта явки с повинной, а не формально констатировать наличие указанного протокола, как достаточного, не нуждающегося в исследовании и признании факта наличия явки. Проблема в том, что в настоящее время на законодательном уровне отсутствуют четкие критерии оценки явки с повинной как доказательства по делу [5, с. 192].

В этой связи крайне важно установить в судебном заседании всю совокупность обстоятельств, при которых совершается явка с повинной. Известны случаи так называемых «договорных отношений» между сотрудниками правоохранительных органов, расследующих данное преступление, и лицом, его совершившим, об оформлении явки в обмен на содействие в расследовании преступления и признании своей вины. Чтобы исключить факты манипулирования законом, необходимо именно в суде установить факт наличия явки с повинной в подлинном своем значении. В этом смысле определяющим является выяснение ситуации, при которой принято решение о совершении явки и определении причин такого, в целом, нестандартного поведения преступника. Установление мотива принятия данного решения во многом определит правильную оценку происходящего события, позволит отличить от ложного заявления. Истинная явка с повинной связана с серьезной работой сознания и воли лица, совершившего преступления, которая выражается «в психологической драме, мучительных раздумьях, переживаниях, неуверенности, и наконец, победы человека над самим собой» [6, с. 85]. К большому сожалению, в приговорах не находят отражения указанные факторы, хотя совершенно понятно, что они не могут носить массового характера — это сугубо индивидуальное поведение, имеющее значение только для данной конкретной ситуации, что, конечно, требует тщательной проверки и может быть установлено только в суде.

Еще одним, вызывающим интерес фактором, является ссылка в приговоре суда по делам об экологических преступлениях на болезнь

осужденного¹, вплоть до инвалидности². Необходимо отметить, что совершаемые экологические преступления, в основном, связаны с захватом природных ресурсов. В нашем регионе доминирующей по применению среди составов экологических преступлений является норма, предусматривающая уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. Объективная сторона данного состава предполагает совершение действий, требующих хорошей физической формы и затрат силы (тем более, что большинство этих преступлений, согласно официальной статистике, совершается единолично). Так, некий Г., не взирая на свое состояние здоровья, незаконно спилил, путем отделения ствола дерева от корневой части при помощи бензопилы 29 деревьев породы сосна и даже обработал срубленные деревья (раскряжевал на сортименты по 6 метров длинной)³. В приведенном примере у суда указанное положение не вызвало никаких вопросов, сухо и лаконично в приговоре указано, что в качестве смягчающего обстоятельства, наряду с другими, учитывается состояние здоровья виновного. Примечательно, что в приговоре даже не акцентируется внимание на том, а какое же это состояние здоровья, и почему оно не помешало выполнить физически сложную объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, но учитывается при назначении наказания.

Так называемый шаблонный подход при назначении наказания [7, с. 253] — это, безусловно, утопия. Именно индивидуальный подход к учету общих начал назначения наказания позволяет принять правильное решение. Именно «факультативный характер правил смягчения наказания означает, прежде всего, необходимость оценочной деятельности по установлению смягчающих обстоятельств» [8, с. 182]. В первую очередь это касается определения признаков, которые по своему характеру являются оценочными категориями и зависят от усмотрения суда. Именно эти факторы должны найти подробную и всестороннюю аргументацию и закрепление в мотивировочной части приговора суда. В идеальном варианте, после ознакомления с приговором всем сторонам должно быть понятно, почему в качестве смягчающего обстоятельства в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК

¹ URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/683027442>.

² URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/681739945>; URL: <https://rospravosudie.com/court-boxanski-j-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-498395135/>

³ URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/683027442>.

РФ признано наличие болезни виновного. Прежде всего, необходимо указать, что это за болезнь, как она влияет на поведение виновного, может ли уменьшить степень его общественной опасности (особенно с учетом данной конкретной ситуации, когда болезнь не мешает выполнению физически сложной объективной стороны преступления), либо суду необходимо обстоятельно пояснить, что, по сути, нейтральная характеристика учитывается как обстоятельство, смягчающее наказание в связи с тем, что затрудняет исполнение наказания (хотя в рассматриваемой ситуации это выглядит несколько странно — болезнь не затрудняет выполнение преступления, но осложняет исполнение наказания, которое собственно не предусматривает необходимость применения физических усилий в таком объеме как при исполнении деяния). Поэтому наличие болезни у лица, совершившего экологическое преступление как обстоятельство, смягчающее наказания, требует серьезного рассмотрения и качественной проработки, аргументации в ходе судебного рассмотрения с обязательной фиксацией данной информации в приговоре. Действительно, наличие нехарактерности и значительности влияния на наказание позволяет суду признать конкретное обстоятельство в качестве смягчающего [9, с. 24].

Примечательно, что подавляющая часть экологических преступлений, по данным официальной статистики, совершается единолично. Указанное обстоятельство находит свое отражение и непосредственно в приговорах суда по делам данного вида преступлений. Суд однозначно, как установленный факт в мотивировочной части приговора описывает объективную сторону преступления в стандартных фразах типа «виновный спилил столько-то древесины, с использованием собственной пилы обработал до приемлемых стандартов и т.д.». Соучастие не установлено. Хотя совершенно понятно, что совершить экологические преступления, связанные с захватом природных ресурсов, единолично крайне затруднительно, можно сказать невозможно, не принято, и, фактически, само деяние предполагает объединение усилий нескольких лиц (что испокон веков было присуще данному виду деятельности, как на законных, так и противозаконных основаниях) [10].

Так, Г., не имея разрешения, принадлежащей ему бензопилой умышленно совершил незаконную рубку лесных насаждений, в частности путем отделения ствола дерева от корневой части незаконно

спилил 20 деревьев породы сосна, а затем раскряжевал их на 39 сортиментов по 6 метров¹. Из материалов дела следует, что у Г. в наличие имеется только бензопила. Возникает справедливый вопрос, а что Г. собирался делать дальше? Представляется закономерным выяснение таких обстоятельств: как Г. планировал вывозить срубленную древесину, куда намеревался ее реализовывать (учитывая, что судом установлены корыстные мотивы). Никаких разрешительных документов у него не имеется — соответственно, привлечь к выполнению указанных задач законопослушных лиц, не посвящая их в противозаконный характер своей деятельности, крайне затруднительно. Любое лицо, управляющее грузовым транспортным средством и осуществляющее грузовые перевозки, знает, какие должны быть предоставлены документы на вывоз спиленной древесины. То же самое можно сказать и по отношению к деятельности лиц, занимающихся реализацией или приобретением древесины — они, несомненно, обладают знаниями о наличии обязательной маркировки и т.д. Кроме того, выполнить спиливание дерева весом в среднем 500 кг, осуществить его обработку и погрузку одному человеку, без помощи других лиц — очень сложно. Таким образом, и само деяние, и последующая погрузка, вывоз и реализация незаконно приобретенной древесины требуют объединения усилий лиц, осознающих все особенности и общественную опасность данной деятельности — соучастие очевидно. Однако традиционно суд формально исследует предоставленные по делу материалы и делает поверхностные заключения, не затрудняя себя установлением истины и качественной, глубокой проработкой доказательств.

Исходя из материалов, нашедших закрепление в приговорах судов по экологическим преступлениям, складывается достаточно странный следующий обобщенный, фрагментарный портрет экологического преступника. Экологические преступления совершаются болезненными людьми, зачастую инвалидами, которые, тем не менее, самостоятельно выполняют сложную и требующую хорошей физической формы, объективную сторону преступления. Преступники не рассчитывают на чью бы то ни было помощь, действуют исключительно самостоятельно, при отсутствии предварительной разработки плана — что делать с захваченными природными ресурсами они не знают и возможности их транспортировки и реализации не имеют. После совершения этих непродуманных экологических преступле-

¹ URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/683027432>.

ний, виновные в массовом порядке спешат в органы власти с добровольным заявлением о совершении данных преступлений.

Постановление обвинительных приговоров по делам об экологических преступлениях в представленном виде вызывает некоторые сомнения относительно их законности, обоснованности и справедливости.

Список использованной литературы

1. Путин В. В. Поздравление с Днем эколога от 5 июня 2013 г. [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/18256>.

2. Мачульская Е.А. Юридические аспекты явки с повинной / Е.А. Мачульская // Журнал российского права. — 2008. — № 9 (141). — С. 142–151.

3. Савин С.В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств / С.В. Савин // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 2 (49). — С. 215–217.

4. Классен М.А. Правовые позиции высших судебных органов о доказательственном значении прокола явки с повинной / М.А. Классен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2011. — № 27 (244). — С. 38–41.

5. Шатуева Г.Х. проблемные вопросы доказательственной оценки явки с повинной / Г.Х. Шатуева, Р.Х. Шатуева // Вестник Удмуртского университета. Серия: Право. — 2015. — № 6. — С. 192–195.

6. Яджин Н.В. Психология личности явившегося с повинной и мотивация явки / Н.В. Яджин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2006. — № 1. — С.81–87.

7. Лядов Э.В. К вопросу об общих началах назначения наказания / Э.В. Лядов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 1. — С. 253–256.

8. Мясников А.А. Понятие и общая характеристика института смягчения наказания / А.А. Мясников // Общество и право. — 2010. — № 4 (31). — С. 181–184.

9. Обухова С.С. Учет при назначении наказания смягчающих обстоятельств, не указанных в законе / С.С. Обухова // IN SITU. — 2016. — № 8. — С. 22–24.

10. Лавыгина И.В. Организованные формы незаконной рубки лесных насаждений / И.В. Лавыгина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 3. (25). — С. 135–143.

Информация об авторе

Лавыгина Ирина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: LavyginaIV@mail.ru.

Information about the author

Lavigina, Irina V. — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: LavyginaIV@mail.ru.

ОБОСНОВАННОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ПРИГОВОРА, ПОСТАНОВЛЕННОГО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В статье раскрываются отдельные проблемные вопросы, возникающие при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего. Автор акцентирует внимание на необходимости отражения в приговоре в отношении несовершеннолетнего дополнительных обстоятельств, установленных по уголовному делу. Доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних требует установления социально-психологических особенностей личности несовершеннолетнего и его социального окружения. Автор отмечает, что все эти обстоятельства должны найти отражение в приговоре суда. В научной работе анализируются типичные ошибки, допускаемые судьями при формулировке описательно-мотивировочной части приговора, постановленного в отношении несовершеннолетнего. Подчеркивается, что приговоры в отношении несовершеннолетних нередко недостаточно мотивированны, и это негативно сказывается на их обоснованности. Вносятся предложения по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, постановление приговора, несовершеннолетний подсудимый.

E.V. Markovicheva

VALIDITY AND MOTIVATION OF THE VERDICT IN CASES OF JUVENILE DEFENDANTS

The article reveals some problematic issues arising when convicting a minor. The author emphasizes the need to take into consideration the additional evidentiary facts established during the case. Evidence in juvenile court requires the establishment of social and psychological characteristics of the personality of the minor and his social environment. The author notes that all of these circumstances must be reflected in the verdict of the court. The article analyzes the typical errors made by judges when formulating descriptive and motivational parts of the verdict in cases of juvenile defendants. It points out that sentences for juveniles are often not suffi-

ciently motivated, and this has a negative effect on their validity. The article proposes several ways of improvement of the Russian criminal procedural law and the judicial practice.

Keywords: criminal procedure, trial, adjudgement, juvenile defendant.

Приговор по праву занимает особое место в системе уголовно-процессуальных актов. Этот вид решения подводит итог не только деятельности суда, но и органов предварительного расследования. Именно приговор позволяет оценивать уголовное судопроизводство с точки зрения его соответствия назначению, задекларированному в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ). По этому поводу П.А. Лупинская справедливо отмечала, что приговор — это особое процессуальное решение, поскольку является актом правосудия и имеет «определенное социальное значение» [1, с. 13].

Отечественный законодатель выделил в УПК РФ отдельную главу, аккумулирующую нормы, регулирующие постановление приговора. Несмотря на то, что вопросам, связанным с постановлением приговора, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве посвящено восемнадцать статей, на практике их применение вызывает множество вопросов. Именно неоднозначность законодательных формулировок, судебные ошибки, допускаемые при постановлении приговора, побудили Пленум Верховного Суда РФ принять 29 ноября 2016 г. новое постановление¹, посвященное данным вопросам и призванное обеспечить единообразное применение судами норм УПК РФ и повышение качества судебных приговоров.

Хотя особая значимость постановления приговора признается и теоретиками, и законодателем, но многие вопросы находятся в малоисследованной зоне. В частности, это в полной мере касается специфики постановления приговора в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ только за первое полугодие 2016 г. судами в России было вынесено 11 929 обвинительных приговоров в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. За 2015 г. было постановлено 22 816 приговоров в отношении таких лиц².

¹ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. 2016. 7 дек.

² Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 20.11.2016).

Постановление приговора в отношении несовершеннолетних должно подчиняться как общим процессуальным нормам, закрепленным в гл. 39 УПК РФ, так и специальным нормам, содержащимся в ст. 430–432 УПК РФ. Это связано с необходимостью учета возрастной специфики несовершеннолетнего, обеспечением повышенной охраны его прав, допущенной законодателем возможностью освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания.

Одним из неотъемлемых свойств приговора, в соответствии со ст. 297 УПК РФ является его обоснованность. Следует согласиться с Г.И. Загорским, считающим, что «вынести обоснованный приговор — это, прежде всего, дать правильные, соответствующие фактическим обстоятельствам уголовного дела ответы на вопросы, подлежащие разрешению в приговоре, и обеспечить правильное применение уголовного закона и норм иных отраслей права, которые суд был обязан учесть при разрешении конкретного уголовного дела» [2, с. 42].

Поскольку обоснованный приговор подразумевает наличие определенной аргументации, очевидно, что суд обязан «объясниться» в рамках приговора относительно как принятого им решения в целом, так и реализации судебного усмотрения, поскольку «не творя норм права, российский судья делает властный выбор между несколькими уголовно-правовыми нормами, подлежащими применению к внешне схожим фактическим обстоятельствам, между несколькими принципиально возможными процессуальными решениями, а также между имеющимися в деле доказательствами, которые, по его мнению, более убедительны для того или иного материально-правового и процессуально-правового выбора» [3, с. 206].

Мотивированность приговора позволяет оценить приговор суда с точки зрения аргументированности его выводов исследованными в установленном порядке доказательствами, так как «являясь внешним выражением обоснованности приговора, его мотивированность позволяет наглядно проследить связь доказательств с выводами и решениями суда» [4, с. 54].

Хотя в действующем уголовно-процессуальном законодательстве мотивированность не закреплена в качестве отдельного свойства приговора, полагаем, что без данного понятия невозможно и уяснение смысла категории «обоснованность», поскольку она может быть выражена в приговоре только через мотивированность. Это находит свое отражение и в уголовно-процессуальных нормах, закрепляющих

в качестве обязательной части приговора описательно-мотивировочную часть. Однако следует согласиться с позицией тех авторов, которые обоснованно считают недостатком УПК РФ отсутствие в тексте данного закона расшифровки значения и сущности понятия «обоснованность приговора» [5, с. 198].

Постановление приговора в отношении несовершеннолетнего имеет свою специфику, связанную, в первую очередь, с необходимостью разрешения судом более широкого круга вопросов. Данное положение вытекает из охранительной направленности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, необходимости учета социально-психологической незрелости личности правонарушителя-подростка, допущенной законодателем возможности ресоциализации несовершеннолетнего без применения уголовного наказания. Эти факторы учитываются при производстве во всех стадиях, во много определяют особенности судебного разбирательства в отношении несовершеннолетнего подсудимого [6].

Обоснованность и мотивированность приговора, постановленного в отношении несовершеннолетнего, требует учета специфики доказывания по данной категории уголовных дел. При этом следует иметь в виду, что возрастные особенности несовершеннолетнего уголовно преследуемого лица заставили законодателя модифицировать предмет доказывания и закрепить специфичный подход к реализации доказательственной деятельности. Согласимся с мнением Е.Ф. Ширшова, отмечающего, что применительно к уголовным делам в отношении несовершеннолетних, «ключевым моментом в доказывании является социально-психологический подход... Он-то и позволяет в определенной мере совместить защиту прав несовершеннолетнего в ходе такой деятельности и раскрыть преступление, обеспечить неотвратимость ответственности, одновременно обеспечить предупреждение несовершеннолетнего от совершения повторных преступных посягательств» [7, с. 39–40].

К сожалению, анализ судебной практики показывает, что судьи нередко затрудняются в составлении описательно-мотивировочной части приговора, постановляемого в отношении несовершеннолетнего. Такая ситуация связана с целым рядом факторов объективного и субъективного характера.

К первым можно отнести многогранность доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, связанную с необходимостью установления не только события преступления, его причаст-

ности к совершению преступления, характера и размера вреда, причиненного преступлением, но и возраста несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, особенностей его личности, в том числе уровня психического развития, наличия или отсутствия влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, возможности освобождения судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в СУВЗ, наличия или отсутствия у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его направлению в СУВЗ.

Ко второй группе субъективных факторов относится уровень профессиональной подготовки судьи, характер его правосознания, степень его загруженности, использование устоявшихся профессиональных штампов и другие факторы, непосредственно связанные с личностью судьи.

Совокупность объективных и субъективных факторов приводит к тому, что в приговорах в отношении несовершеннолетних отражается поверхностное и формальное отношение к установлению дополнительных обстоятельств, предусмотренных ст. 421 УПК РФ. Подобный формализм приводит к тому, что в описательно-мотивировочной части приговора размещается шаблонная информация, не достаточно характеризующая несовершеннолетнего и не позволяющая, в частности, мотивировать назначение того или иного наказания или освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания. В следствие такого подхода в приговорах появляются следующие формулировки: «Обучается в школе, характеризуется удовлетворительно». Очевидно, что использование подобных штампов снижает мотивированность приговора, постановленного в отношении несовершеннолетнего. Обратим внимание на результаты исследования проведенного Л.А. Шестаковой, изучившей двести уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Автор пришла к обоснованному выводу о недопустимом игнорировании значимых психологических данных о личности несовершеннолетнего, условиях его жизни даже по несложным уголовным делам [8, с. 167].

Приведем еще один пример из судебной практики. «По уголовному делу в отношении несовершеннолетнего Б., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 158 ч. 2 п. «в, г», ст. 158 ч. 2 п. «в» УК РФ (в ред. ВФ РФ от 08.12.03 г.) в судебном заседании была допрошена специалист «Центра психолого-медико-социального сопровождения» Т., которая показала, что, находясь в

судебном заседании, она не заметила признаков раскаяния у подсудимого. При этом, его поведение в суде может охарактеризовать как развязное, так как подсудимый не соблюдает дистанцию в общении с участниками процесса»¹. Очевидно, что подобные выводы специалиста-психолога вызывают закономерные сомнения в допустимости такого заключения специалиста и возможности его использования для обоснования принятого судом решения.

К сожалению, проблемы в обосновании постановленного в отношении несовершеннолетнего приговора, во многом связаны с лаконичностью и пробельностью используемых отечественным законодателем формулировок. Согласимся с Ю.В. Козубенко, отмечающим, что такая ситуация приводит к тому, что суды начинают разрабатывать самостоятельно методические рекомендации по мотивировке в приговоре назначения наказания несовершеннолетнему, вследствие чего «суд фактически вводит свое собственное основание постановления обвинительного приговора без назначения наказания» [9, с. 1434].

Исправление данной ситуации видится в кардинальном реформировании отечественного уголовно-процессуального законодательства, в определении новой концепции уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Однако данные мероприятия носят стратегический характер. В сегодняшних реалиях речь может идти о повышении судебного профессионализма и разработке соответствующих методических рекомендаций, поскольку несовершенство закона не должно препятствовать тому, чтобы в приговоре была «показана и изложена причинно-следственная связь между обстоятельствами уголовного дела и сделанными судом выводами, чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, что именно такое решение является законным, обоснованным и справедливым» [10, с. 96].

Список использованной литературы

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 240 с.
2. Загорский Г.И. Избранные труды / Г.И. Загорский. — М. : РАП, 2014. — 464 с.
3. Тарасов А.А. Судейское усмотрение и мотивированность приговоров / А.А. Тарасов, А.Р. Шарипова // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11-2. — С. 206–211.

¹ Дело № 1-222/2010 // Архив Советского районного суда г. Орла за 2010 г.

4. Попова И.П. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве / И.П. Попова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — № 1. — С. 50–60.

5. Попова И.П. Обоснованность как одно из свойств обвинительного приговора / И.П. Попова // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2012. — № 11. — С. 198–203.

6. Марковичева Е.В. Несовершеннолетний подсудимый в российском уголовном процессе / Е.В. Марковичева // Закон и право. — 2007. — № 11. — С. 89–90.

7. Ширшов Е.Ф. Особенности предмета и пределы доказывания по делам несовершеннолетних в российском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / Е.Ф. Ширшов. — Оренбург : ОГАУ, 2006. — 104 с.

8. Шестакова Л.А. О некоторых проблемах, возникающих при установлении обстоятельств предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Л.А. Шестакова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 2. — С. 165–168.

9. Козубенко Ю.В. Основания освобождения от наказания при постановлении обвинительного приговора / Ю.В. Козубенко // LEX RUSSICA. — 2014. — № 12. — С. 1430–1432.

10. Апостолова Н.Н. Мотивировка приговоров, вынесенных с применением особых порядков судебного разбирательства / Н.Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2015. — № 2. — С. 95–99.

Информация об авторе

Марковичева Елена Викторовна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, e-mail: markovicheva@yandex.ru.

Information about the author

Markovicheva, Elena V. — Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, 69 Novocherymushkinskaya Str., 117418, Moscow, Russian Federation, e-mail: markovicheva@yandex.ru.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ НАКАЗАНИЯ В СУДЕБНОМ ПРИГОВОРЕ

В статье исследуется институт назначения уголовного наказания с точки зрения реализации в судебном приговоре принципа справедливости. Подробно раскрываются и анализируются условия, при соблюдении которых наказание признается соответствующим принципу справедливости. В частности, справедливым считается наказание, если оно соответствует степени и характеру общественной опасности, обстоятельствам совершения преступления, личности виновного, а также необходимо учитывать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Каждому из условий справедливого наказания дана характеристика, с приведением примеров из судебной практики, в которых не учтены условия, что стало причиной отмены или изменения решений судов первой инстанции. Автор соотносит действующие правила назначения справедливого наказания с целями наказания, данными судебной практики и судебной статистики.

Ключевые слова: справедливость, наказание, приговор, степень и характер общественной опасности, личность виновного.

K.N. Morozova

THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FAIRNESS OF PUNISHMENT IN COURT SENTENCE

The article is explored an institute of criminal sentencing from the standpoint of implementation of the principle of fairness in the court verdict. Detailed are revealed and analyzed the conditions under which the punishment is recognized corresponding to the principle of justice. Particularly the fair is considered to be a punishment, if it corresponds to the degree and nature of public danger, the circumstances of the crime was committed, the guilty person, and must take into account the circumstances mitigating and aggravating the punishment. Each of the above conditions, the characteristic, and are examples of judicial practice, where these criteria are not taken into account, which led to cancellation or change deci-

sions of first instance courts. The author relates existing rules of punishment with penalty purposes and bases his suggestions on the topic.

Keywords: justice, punishment, sentence, degree and nature of public danger, perpetrator's personality.

Справедливость соответствует определенному уровню социального, экономического и правового развития общества и государства, на состояние справедливости влияет множество факторов: моральный облик, правовое воспитание общества, состояние законодательства. Понятие справедливости, изначально имеющее сугубо социальное значение, все чаще выступает в качестве правовой категории [1]. Справедливость должна быть основой всей правовой деятельности — деятельности законодателей, правоприменителей и исполнителей законов [2]. Сегодня справедливость обоснованно признается не только вечной, но и высшей ценностью, с которой все остальное должно согласовываться и не может ей противоречить [3]. Наказание должно быть пропорционально преступлению, именно в этом и проявляется справедливость. Иными словами, к конкретному правонарушителю должно быть применено столько принуждения, сколько необходимо для восстановления нормального функционирования общественного порядка. Как писал К. Маркс, «задача состоит в том, чтобы сделать наказание действительным следствием преступления. Наказание должно явиться в глазах преступника необходимым результатом его собственного деяния, следовательно, его собственным деянием» [4].

Наказание способствует эффективному закреплению и развитию позитивно оцениваемых обществом областей в сфере экономики, морали, политики и т.д., поскольку является самой действенной формой принуждения. Лицо, преступившее через введенные государством запреты, подвергается наказанию, которое способствует корректировке его поведения. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Законодателем в ст. 6 УК РФ не только провозглашен сам принцип справедливости, но в ст. 60 УК РФ предусмотрена обязанность суда назначать справедливое наказание. Принцип справедливости наказания в интерпретации законодателя выглядит следующим образом: это индивидуализация наказания, основанная на учете характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его

совершения и личности виновного. Однако для достижения цели наказания — восстановления социальной справедливости, необходимо, чтоб наказание назначалось в соответствии с общими началами назначения наказания, среди которых важное место занимает учет смягчающих и отягчающих обстоятельств. Цель восстановления социальной справедливости является наиболее общей, составной, обязательной, она преследуется в любом случае, носит всеобъемлющий характер [5]. Назначение наказания, которое отвечает требованиям не только права, но и нравственности, способствует достижению всех закрепленных в законе целей наказания, а также привитию уважения к закону среди населения, росту авторитета органов государственной власти и в особенности судебной системы [6].

Таким образом, законодатель, закрепив в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, заложил в нем идею строгого соблюдения соответствия назначенного наказания обстоятельствам совершенного преступления, то есть индивидуализацию наказания, которая и обеспечивает справедливость.

Дополнительно Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 подчеркнул необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ¹.

В уголовном законе законодателем трижды упоминается о справедливости, а именно — в ст. 6, ч. 2 ст. 43 и 60, следовательно, можно говорить о трех условных проявлениях справедливости в уголовном праве: справедливость, как принцип уголовного права, справедливость, как цель наказания, справедливость, как общее начало назначения наказания. Еще до принятия УК РФ В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина указывали на три уровня проявления принципа справедливости в уголовном праве: справедливость при формировании круга преступных деяний; справедливость при назначении судом наказания; обязанность законодателя определить справедливую санкцию [7, с. 65–67].

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек.

Уголовный кодекс определяет условия, при соблюдении которых наказание, назначаемое за совершение преступления, будет считаться справедливым. Итак, наказание признается справедливым, если оно соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Необходимо отметить, что в законе предусматривается обязательное соблюдение всех условий одновременно.

При назначении справедливого наказания должно обеспечиваться равновесие интересов общества, государства, потерпевшего и правонарушителя. Для соблюдения вышеуказанных интересов в законе установлены условия, при учете которых наказание будет отвечать требованию справедливости. Так, Л.В. Гайворонская, проанализировав положения ст. 6 УК РФ, приходит к выводу, что «справедливость связана либо с фактическими обстоятельствами совершенного преступления, либо с личностью виновного» [8].

Рассмотрим подробнее каждое из вышеназванных условий, начнем с характера и степени общественной опасности совершенного преступления. В характере общественной опасности совершенного преступления отражается качественная сторона совершенного деяния, которая призвана указать на охраняемые уголовным законом объекты и причиненный им вред. Степень общественной опасности отражает количественную сторону. При ее определении необходимо исходить из конкретных обстоятельств содеянного. Верховный Суд РФ конкретизировал, какие обстоятельства необходимо учитывать при определении степени общественной опасности: характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенного в соучастии, вид умысла либо неосторожности, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание¹.

Обстоятельства совершения преступления — условия, при которых было совершено преступное деяние. К данным обстоятельствам относятся: время, место, способ, обстановка, средства и орудия совершения преступления и т.д. Обстоятельства совершения преступления составляют предмет доказывания по уголовному делу.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек.

Следующие условия, необходимое для назначения справедливого наказания — личность лица, совершившего преступления, без учета личности невозможно достичь справедливости наказания. Личность и деяние неразрывно связаны друг с другом. Нельзя дать оценку преступному деянию, не дав оценку личности, и наоборот. Можно сказать, что личность характеризует преступления, а преступления — личность. С учетом вышеуказанного, вынесение решения без учета свойств личности будет нарушением принципа справедливости. Только предельно полный и широкий учет данных о личности виновного позволит суду назначить ему справедливое наказание [9, с. 59].

Несмотря на нормативное закрепление условий справедливого наказания, в судебной практике немало случаев, когда суд не учитывает, игнорирует, попросту упускает или неправильно оценивает обстоятельства, влияющие на назначение наказания, что зачастую может повлечь постановление несправедливого приговора. Поскольку принцип справедливости наказания реализуется через процессуальную деятельность суда, а именно через приговор, необходимо обратиться к процессуальному аспекту принципа справедливости.

В уголовно-процессуальном законе понятие «справедливость» определяется весьма необычным способом — через определение ее антипода — несправедливости. Согласно ст. 389.18 УПК РФ, несправедливым признается приговор, наказание по которому не соответствует тяжести преступления или личности осужденного либо которое, хотя и не выходит за пределы, определенные в санкции статьи Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру чрезмерно мягкие или напротив чрезмерно суровые. Так, Н.К. Панько считает, что понятия справедливости и несправедливости должны лежать в основе правильной меры наказания (воздаяния), выступая в качестве одного из важнейших критериев правомерности правовых норм [10].

Так, апелляционным определением Краснодарского краевого суда по делу № 22-554/2016 был изменен приговор вследствие его несправедливости. Суд первой инстанции формально отразил в решении учет характера и степени общественной опасности, однако не учел тяжесть совершенных преступлений, одно из которых отнесено законом к категории особо тяжких, посягает как на имущество, так и на жизнь и здоровье потерпевшего, что повлекло назначение чрезмерно мягкого наказания. Суд первой инстанции приговорил виновного к 4 годам 6 месяцам лишения свободы, после рассмотрения данного дела и с уче-

том характера и степени общественной опасности суд апелляционной инстанции увеличил срок лишения свободы до 6 лет¹.

Зачастую неправильное применение положений Общей части Уголовного кодекса РФ, неправильное установление обстоятельств, имеющих значение для дела, игнорирование данных о личности и иные факты влекут назначение несправедливого наказания. Архангельский областным судом выявлены типичные причины и ошибки в применении норм уголовного закона, касающиеся назначения наказания, явившиеся впоследствии основанием для изменения приговора в апелляционном порядке². Среди нарушений названы — назначение наказания с нарушением предельных сроков и размеров, установленных статьями Особенной части УК РФ; некоторые виды наказания не могут назначаться определенным категориям населения; нарушения общих начал назначения наказания: отрицательная характеристика не должна влиять на назначение наказания; судами не всегда учитывается активное содействие раскрытию и расследованию преступления; смягчающие и отягчающие обстоятельства имеют важное значение, как для основного, так и для *дополнительного* наказания.

Согласно данным судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2015 г. общее число приговоров, вынесенных федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями, составляет — 662 249, а число измененных или отмененных приговоров в апелляционном порядке, как несправедливых, составляет — 2 053³. Таким образом, получается, что три процента от общего числа вынесенных судами первой инстанции приговоров признаны несправедливыми, что явилось основанием для их изменения или отмены.

¹ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 10 февраля 2016 г. № 22-554/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/pugWo5ytplb1> (дата обращения: 22.11.2016).

² Информационный бюллетень апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Архангельского областного суда за 2 квартал 2016 года [Электронный ресурс] // URL: http://files.sudrf.ru/2817/docum_sud/doc20160805-154623.doc (дата обращения: 25.11.2016).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 25.11.2016).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на законодательное закрепление условий назначения справедливого наказания, на практике в незначительном числе случаев судами все-таки не соблюдаются указанные условия, что влечет не только неправильное применение Общей части Уголовного закона, но и постановление несправедливого приговора.

Список использованной литературы

1. Бурмагин С.В. Устранение юридического неравенства в российском уголовном судопроизводстве — путь к справедливому правосудию / С.В. Бурмагин // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Симферополь-Алушта, 24–25 апреля 2014 г. / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. — Симферополь, 2014. — С. 11–14.

2. Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве / З.В. Макарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2012. — № 7. — С. 54–56.

3. Бытко Ю.И. Справедливость и право : лекция / Ю.И. Бытко. — Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2005. — 76 с.

4. Маркс К. Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Изд-во полит. Лит., 1955. — Т. 11. — 495 с.

5. Бадамшин И.Д. Восстановление социальной справедливости как цель наказания / И.Д. Бадамшин, В.Б. Поезжалов // Пробелы в российском праве. — 2013. — № 2. — С. 94–96.

6. Токназарова Ч.М. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания (теоретические и правоприменительные проблемы) / Ч.М. Токназарова // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4 (42). — С. 214–224.

7. Келина С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. — М. : Наука, 1988. — 176 с.

8. Гайворонская Л.В. Несправедливость приговора как основание апелляционной проверки / Л.В. Гайворонская // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : сб. ст. по материалам все-росс. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 20–21 марта 2015 г. — СПб., 2016. — Ч. II. — С. 49–55.

9. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т.В. Непомнящая. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. — 781 с.

10. Панько Н.К. Проблема справедливости в уголовном судопроизводстве / Н.К. Панько // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : материалы междунаро-д. науч.-практ. конф., г. Воронеж, 2–4 июня 2014 г. / отв. ред. В.В. Денисенко. — Воронеж, 2016. — С. 451–459.

Информация об авторе

Морозова Ксения Николаевна — ведущий юрисконсульт Архангельского филиала Акционерного общества «Страховое общества газовой промышленности», 163069, г. Архангельск, пр. Троицкий, 95, e-mail: 89815591589@yandex.ru.

Information about the author

Morozova, Ksenia N. — Jurisconsult, Insurance Group «Sogaz», 95 Troitsky avenue, 163069, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: 89815591589@yandex.ru.

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА

В статье рассматривается роль судебного следствия при вынесении приговора в уголовном судопроизводстве, исследуются мнения ученых о состязательности сторон при производстве процессуальных действий в суде, обосновывается мнение об активной деятельности суда при рассмотрении дел на базе Постановления Конституционного Суда РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, автор приходит к выводу о том, что оценка доказательств должна способствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Ключевые слова: стороны, суд, судебное следствие, приговор, уголовное судопроизводство

N.V. Osodoeva

SIGNIFICANCE OF COURT INVESTIGATION BY PRONOUNCE SENTENCE

In this article examines role of court investigation by pronounce sentence in the criminal legal procedure, research opinions of scientists about the contest sides at the execution process actions in the court, substantiates opinion about active work of court by examine of actions on the base of Resolution of Constitutional Court Russian Federation, of Resolution of Plenum of Supreme Court Russian Federation, the author make the conclusion that the assessment arguments should to promote the pronounce lawful, well-founded and right judgement.

Keywords: sides, court, court investigation, sentence, criminal legal procedure.

Положения ст. 305, 307 УПК РФ предусматривают, что приговор должен содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, мотивы, по которым суд отвергает другие доказательства.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55 подчеркивается, что «в силу

положений статьи 240 УПК РФ выводы суда, изложенные в описательно-мотивировочной части приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должны быть основаны на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании»¹.

Для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора особое значение имеет судебное следствие.

Судебное следствие — центральная часть судебного разбирательства. Суд не повторяет предварительное расследование и не связан с его выводами. Судебное следствие проводится судом гласно, устно и непосредственно, причем процесс судебного следствия движется в большей степени усилиями сторон.

Статья 123 Конституции РФ закрепила положение о состязательном построении судопроизводства, что предрешило появление в УПК РФ как самого термина «стороны», так и четкого перечня субъектов, их представляющих, а также состязательности в качестве принципа уголовного судопроизводства. Конституционное закрепление данного принципа во многом предопределило его особую роль в судебном процессе и влияние на правила судопроизводства.

Как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П, принципы состязательности и равноправия сторон предполагают, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности, вправе использовать все не запрещенные законом средства для защиты от предъявленного обвинения².

Принцип состязательности и равноправия сторон реализуется в судебном заседании путем производства судебных действий, а именно: допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта (ст. 275, 277, 278, 280, 282 УПК РФ), в том числе с использованием систем видеоконференцсвязи (ст. 278.1 УПК РФ), оглашение показаний подсудимого, свидетелей (ст. 276, 281 УПК РФ), которые могут осуществлять стороны и суд.

¹ Российская газета. 2016. 7 дек.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 271, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 г. № 13-П // Собрание Законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

В вышеупомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ содержится положение, согласно которому «ссылка в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные ими в ходе предварительного расследования или в ином судебном заседании, допустима только при условии оглашения этих показаний с соблюдением требований, установленных статьями 276, 281 УПК РФ. В соответствии с подпунктом «е» пункта 3 статьи 14 Пакта о гражданских и политических правах и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также имеет право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него. С учетом этих положений и в силу части 2.1 статьи 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или кино съемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)».

Указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ свидетельствует об активности сторон в представлении ими доказательств в судебном заседании.

По мнению ученых, с провозглашением принципа состязательности действующим законодательством предусматривается активная роль сторон, защищающих противоположные процессуальные интересы, пассивность суда, который должен создавать благоприятные условия для всестороннего и полного исследования доказательств сторонами [1, с. 13; 2, с. 84–88].

Некоторые ученые прямо указывают на необходимость исключения из закона указания на обязанность суда каким-либо образом содействовать сторонам в представлении доказательств [3, с. 42–43; 4, с. 34–37].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 03.03.2015 г.) обратил внимание судов на то, что в «силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявленных ходатайств»¹.

Думается, мнение ученых, считающих, что суд в смешанном процессе может осуществлять и другие полномочия, кроме разрешения уголовного дела и создания условий для активной деятельности сторон, является справедливым [5, с. 38; 6, с. 36–40; 7, с. 39–50].

Положение о том, что суд является субъектом, уполномоченным собирать доказательства, подтверждается УПК РФ, а также позицией Конституционного Суда РФ. Из Определения Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 6 марта 2003 г. № 104-О следует, что «в соответствии с законом в ходе судебного следствия устанавливаются не только обстоятельства, подтверждающие доказанность обвинения, но также обстоятельства, смягчающие вину подсудимого или оправдывающие его, а равно иные обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу. Следовательно, собирание доказательств ... входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством при производстве судебного следствия»².

Представляется, что активность суда, хотя и основана в большей мере на элементах публичности, обязывающей суд исследовать все обстоятельства обвинения и защиты с целью достижения требований, установленных ст. 73 УПК РФ, является неотъемлемым элементом состязательности. Восполнительный характер судебной активности обуславливает расширение возможностей суда по активному, самостоятельному исследованию доказательств в той мере, в какой сторо-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 3–6.

² URL: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_2168.htm (дата обращения: 20.10.2012).

ны не воспользовались своими преимущественными правами по исследованию доказательств по уголовному делу.

Конечной целью осуществления правосудия по делу является вынесение законного и справедливого судебного решения, которое должно основываться в том числе на относимых, допустимых и достоверных доказательствах, максимально отражающих действительные обстоятельства дела.

В приговоре находит свое отражение вся совокупность доказательств, собранных по делу, и оценка их соответствующим субъектом с его внутренним убеждением. Исходя из общепринятого понимания уголовно-процессуального доказывания как специфической разновидности познания, осуществляемой в уголовном судопроизводстве, и отмечая удостоверительный характер этой деятельности, нельзя не признать, что она должна завершаться использованием собранных, проверенных и оцененных доказательств для обоснования принимаемых судом процессуальных решений. В итоговых документах анализируются юридически значимые и иные обстоятельства, которые были установлены и доказаны при производстве по уголовному делу, на основании которых суд определяет судьбу уголовного дела.

Согласно вышеупомянутому Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55, «сведения, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов суда лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным статьями 87, 88 УПК РФ. При этом суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания».

Особую роль в принятии приговора играет оценка доказательств, традиционно считающаяся завершающим элементом доказывания и представляющая собой логический процесс установления допустимости доказательств, наличия и характера связей между ними, определения значения и путей использования доказательств. Именно оценка полученных доказательств с точки зрения их допустимости, относимости, достоверности и достаточности выступает основой принятия процессуального решения для разрешения уголовного дела. По существу, принятие приговора завершает процесс доказывания, что находит свое отражение в итоговых процессуальных до-

кументах, где доказательства используются для обоснования соответствующих процессуальных решений.

Таким образом, исследование в соответствии с принципом состязательности и оценка доказательств должны способствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Список использованной литературы

1. Францифоров Ю.В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании / Ю.В. Францифоров // Российский следователь. — 2005. — № 11. — С. 10–14.

2. Зайцев О.А. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Уголовное право. — 2014. — № 16. — С. 84–88.

3. Поплавская Н.Н. Состязательность в уголовном процессе России: закон и реальность / Н.Н. Поплавская // Российская юстиция. — 2008. — № 6. — С. 42–43.

4. Быков В.М. Проблемы суда первой инстанции / В.М. Быков // Российская юстиция. — 2015. — № 3. — С. 34–37.

5. Пашков С.Ю. Роль председательствующего в обеспечении всесторонности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела / С.Ю. Пашков // Уголовный процесс. — 2009. — № 10. — С. 36–39.

6. Минимурзина О.Н. Судья как особый властный субъект судебного следствия / О.Н. Минимурзина // Российский судья. — 2016. — № 7. — С. 36–40.

7. Романов С.В. Процессуальная активность суда в судебном разбирательстве по уголовному делу: сравнительно-правовой и правозащитный аспекты / С.В. Романов // Закон. — 2016. — № 1. — С. 39–50.

Информация об авторе

Осодоева Наталия Васильевна — кандидат юридических наук, преподаватель, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: osodoeva84@yandex.ru.

Information about the author

Osodoeva, Nataliya V. — PhD in Law, Teacher, Department of Criminal Proceedings and Criminalistics, Buryat State University, 24a Smolin Str., 670000, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: osodoeva84@yandex.ru.

О.С. Пашутина, А.А. Козьявин

**ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИГОВОРУ СУДА,
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

В настоящей статье рассматриваются теоретические положения, раскрывающие понятие требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, предъявляемых российским законодателем к приговору суда в уголовном процессе. Особое внимание авторами уделяется системности и полноте положений закона, формирующих, по сути, особый процессуальный институт требований, предъявляемых к приговору суда, научным представлениям, раскрывающим анализируемые требования, нормам уголовно-процессуального закона, закрепляющим основания отмены или изменения приговора суда в стадии апелляционного производства по уголовному делу, коррелирующим требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговора, а также дефектам юридической техники, допущенным законодателем при формулировании указанных требований в уголовно-процессуальном законе. На примере практики Судебной коллегии Верховного Суда РФ иллюстрируются последствия нарушений указанных требований.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, приговор суда, законность, обоснованность, мотивированность, справедливость приговора, основания отмены или изменения приговора суда.

O.S. Pashutina, A.A. Kozyavin

**THE REQUIREMENTS MADE TO COURT SENTENCE
THROUGH THE PRISM OF REGULATORY
AND LAW-APPLYING**

This article examines the theoretical principles that reveal the concept of the requirements of legality, validity, motivation and fairness im-

posed by the Russian legislator to the sentence of a court in criminal proceedings. Special attention is paid to the consistency and completeness of the provisions of the law, forming, in fact, the Institute of special procedural requirements for the court verdict, scientific ideas, revealing analyze requirements, norms of the criminal procedure law stipulating grounds for the cancellation or modification of the sentence of the court of appeal in a criminal case, correlated with the requirements of legality, validity, motivation and the fairness of the sentence, as well as the defects of legal technique, made by the legislator in the formulation of these requirements in the criminal procedure law. In accordance with practice of the Judicial Collegium of the Russian Supreme Court the consequences of violations of these requirements are illustrated.

Keywords: criminal proceedings, court sentence, legality, he legality, validity, motivation, fairness of the sentence, grounds for cancellation or modification of the sentence of the court.

Приговор — это решение суда первой или апелляционной инстанции о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания (п. 28 ст. 5 УПК РФ). В качестве основных требований, предъявляемых к приговору, ст. 297 УПК РФ указывает законность, обоснованность и справедливость, но не раскрывая их содержания. Сформулировать соответствующие определения, отражающие сущность данных требований, позволяют доктринальные толкования, среди которых имеются и совершенно неожиданные новые подходы [1, с. 247–263], анализ норм УПК РФ и соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ.

Законность приговора предполагает его строгое соответствие нормам материального и процессуального права. Соответствие материальному закону означает, что в нем правильно разрешены вопросы применения норм как уголовного закона (Общей и Особенной частей), так и гражданского, семейного и иного законодательства в той их части, которая относится к рассмотренному судом конкретному уголовному делу. В определенной степени легальное содержание анализируемого требования содержится в соответствующем основании к отмене приговора в стадии апелляционного производства, предусмотренном ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ. В своих решениях, как показывает анализ судебной практики, суды не всегда верно использу-

ют предоставленный им в виде норм права инструментарий, что в дальнейшем приводит к отмене, изменению приговора.

Так, Судебной коллегией Верховного Суда РФ были отменены приговор Буденновского городского суда Ставропольского края и последующие судебные решения в части гражданского иска потерпевшего Ц. к П.

По приговору П. осужден за совершение преступления, предусмотренного пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Постановлено взыскать с П. в пользу потерпевшего Ц. в счет компенсации материального ущерба 40 тыс. р., в счет компенсации морального вреда 100 тыс. р.

В надзорной жалобе осужденный П., в частности, указывал, что заявленный потерпевшим гражданский иск подлежал удовлетворению за счет казны Российской Федерации.

Судебная коллегия частично удовлетворила надзорную жалобу П. по следующим основаниям.

Согласно приговору, суд признал обоснованными иски требования потерпевшего Ц. и возложил обязанность по возмещению причиненного ему материального ущерба и компенсации морального вреда на осужденного П. Судом установлено, что потерпевшему причинен вред в результате незаконных действий должностного лица — старшего участкового уполномоченного полиции по делам несовершеннолетних, который при исполнении своих служебных обязанностей, связанных с осуществлением функции представителя власти по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, превысил свои должностные полномочия, т.е. совершил действия, явно выходящие за пределы полномочий, установленных Федеральным законом «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ и должностной инструкцией.

В соответствии со ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации. Согласно ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, от имени казны выступает соответствующий финансовый орган. Таким образом, стороной в обязательствах по возмещению вреда, предусмотренного ст. 1069 ГК РФ, является государство, однако суд

разрешил гражданский иск потерпевшего Ц. без учета этих требований закона¹.

Соответствие приговора нормам процессуального права предполагает, что при его постановлении судом были соблюдены правила процедуры, предусмотренные УПК РФ. Определенную ясность в толковании указанного требования вносит обращение к соответствующему основанию отмены приговора, не вступившего в законную силу, предусмотренному для стадии апелляционного производства в ст. 389.17 УПК РФ, которая еще и дифференцирует нарушения законности, допущенные при постановлении приговора, на безусловные и оценочные. При этом законность приговора, как и любого акта решения, определяется как соблюдением указанных законодательных предписаний [2, с. 205], так и соблюдением норм УПК РФ в правоприменении, следовавшему до и после его вынесения.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор Московского городского суда с участием присяжных заседателей в отношении В. в связи с нарушением права на защиту, указав следующее.

В соответствии с ч. 8 ст. 172 УПК РФ следователь вручает обвиняемому и его защитнику копию постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Согласно ч. 3 ст. 18 УПК РФ если следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет. Из материалов дела следует, что В. было предъявлено обвинение, однако постановление о привлечении в качестве обвиняемого на английский язык не переводилось и В. не вручалось.

Судебная коллегия сочла обоснованными доводы жалоб осужденного и адвокатов о том, что В. не были в письменном виде разъяснены его процессуальные права, предусмотренные ч. 4 ст. 47 УПК РФ, он не был должным образом уведомлен о том, в чем он конкретно обвиняется, и поэтому у него отсутствовала объективная возможность защищаться от предъявленного обвинения, в связи с чем, пока-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 6 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vsrf.ru> (дата обращения: 01.11.2016).

зания В. в качестве обвиняемого не могли исследоваться в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей¹.

Содержание требования обоснованности можно понять, опираясь, во-первых, на положения ст. 389.16 УПК РФ, раскрывающие содержание такого основания к отмене приговора судом апелляционной инстанции, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, а во-вторых, на разъяснения Пленума Верховного Суда России. Обоснованность приговора означает, что он основан только непосредственно исследованных в судебном заседании доказательствах (за исключением случаев, предусмотренных разделом X УПК РФ). Ключевым элементом деятельности суда, обеспечивающим обоснованность приговора, вне сомнения, является оценка доказательств, впрочем, предопределяющая известную проблему судейского усмотрения [3, с. 33–36]. При постановлении приговора суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не исследовались судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания. Он должен исходить из материалов дела, рассмотренных в судебном заседании и строить свои выводы на достоверных доказательствах в совокупности, исключающей принятие другого решения.

Так, отменяя приговор районного суда в отношении Б., осужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ, и передавая уголовное дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала следующее.

Из материалов дела следует, что суд в приговоре как на доказательства виновности Б. в совершении преступления, сослался на протокол осмотра места происшествия; рапорт об обнаружении признаков преступления; заключения эксперта № 599 и № 414/2006-МК; заключение судебно-медицинской экспертизы трупа. Однако из протокола судебного заседания явствует, что указанные доказательства в судебном разбирательстве не исследовались.

По мнению Судебной коллегии, допущенные судом нарушения уголовно-процессуального законодательства существенно повлияли

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 01.11.2016).

на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, что и явилось основанием для его отмены¹.

Ссылка в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные при производстве предварительного расследования или в ином судебном заседании, допустима только при оглашении судом этих показаний в порядке, предусмотренном ст. 276, 281 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что фактические сведения, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов суда и решений по делу лишь после их проверки и исследования в судебном заседании.

Чтобы приговор был признан обоснованным, суду надлежит: проанализировать состав преступления и его квалифицирующие признаки; в случае признания лица виновным — назначить наказание с учетом характера и степени тяжести преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность; если подсудимый признан невиновным — оправдать его [4].

Обоснованными должны быть все утверждения и решения суда из описательно-мотивировочной и резолютивной частей приговора.

Следующее требование, предъявляемое к приговору, — справедливость. А.С. Кобликов указывал, что справедливость — это «оценка приговора несколько иного, более широкого плана, чем правовые его характеристики. Справедливость — нравственно-правовое требование к приговору, в конечном счете, опирающееся на гуманистические начала» [5, с. 117]. Поэтому законодатель формулирует данное требование относительно самостоятельно, подчеркивая, тем самым, его особое качество. Более того, несправедливость приговора в его материально-правовом смысле также фигурирует в числе оснований к отмене или изменению приговора в апелляции (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

Следует отметить, что в уголовно-процессуальной доктрине уже давно сложилось устойчивое мнение о значимости справедливости как важнейшего свойства правосудного приговора [6, с. 203–209; 7, с. 45–50]. Еще М. С. Строгович указывал, что приговор «должен быть справедлив — это значит, что он должен устанавливать действительную вину или невиновность подсудимого и наказывать его в соответствии с виною» [8, с. 325].

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 01.11.2016).

Справедливость приговора опирается на его законность и обоснованность и предполагает правильное разрешение дела по существу и по форме, отвечающее нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им общественно-опасному деянию.

В отличие от ст. 301 УПК РСФСР, ст. 297 УПК РФ не содержит указания на такое требование, предъявляемое к приговору как мотивированность. На наш взгляд, оно не выводимо и из ч. 4 ст. 7 УПК, хотя подобные мнения распространены среди ученых и практиков: положение закона в данной части нормативно закрепляет требования к определению и постановлению, которые, в свою очередь, определяются законодателем как любые решения «за исключением приговора» (п. 23 и 25 ст. 5 УПК) [9, с. 111].

Означает ли это, что изученное в научных трудах требование мотивированности [10, с. 206–211] современным уголовно-процессуальным законом к приговору не предъявляется? На наш взгляд, — нет. В структуре приговора закон выделяет описательно-мотивировочную часть, в которой суду необходимо, в частности, указать мотивы, по которым отвергнуты те или иные доказательства, мотивы избрания наказания (ст. 305, 307 УПК РФ), т.е. мотивировать свое решение. Кроме того, в упомянутой ст. 389.16 УПК РФ также особый упор законодателем сделан именно на ошибки в мотивированности выводов суда в приговоре, следствием чего может быть его отмена или изменение. В данном случае, на наш взгляд, имеет место недостаток юридической техники.

Следует отметить, что позицию российского законодателя в части регламентации требований, предъявляемых к приговору, разделяет в той или иной степени и законодатель ближнего зарубежья. Например, требования законности и обоснованности закрепляются в ст. 388 УПК Республики Казахстан и ст. 323 УПК Украины. УПК Республики Беларусь в ст. 350 расширяет этот перечень, добавляя в него мотивированность и справедливость. В соответствии со ст. 384 УПК Республики Молдова, приговор судебной инстанции должен быть законным, обоснованным и мотивированным. Важно отметить, что в ряде случаев в нормах зарубежного законодательства не только приводится перечень рассматриваемых требований, но и раскрывается их содержание, что, несомненно, является дополнительной гарантией надлежащего применения норм права и эффективного правосудия. Слово за российским законодателем...

Список использованной литературы

1. Ольков С.Г. Судебные приговоры в свете теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2 (38). — С. 247–263.
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П.А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 240 с.
3. Истомина Н.С. Оценка доказательств в приговоре суда / Н.С. Истомина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2013. — № 3 (16). — С. 33–36.
4. Никулина А.Х. Приговор: содержание и порядок постановления [Электронный ресурс] / А.Х. Никулина. — Режим доступа: <http://www.ecrime.ru>.
5. Кобликов А.С. Юридическая этика : учебник для вузов / А.С. Кобликов. — М. : Норма : Инфра-М, 1999. — 168 с.
6. Ольков С.Г. О справедливом приговоре / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 2 (30). — С. 203–209.
7. Сиволова А.А. Справедливость как требование к приговору в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве / А.А. Сиволова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2013. — Т. 13, № 2. — С. 45–50.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. — М., 1970. — Т. II. — 616 с.
9. Горевой Е.Д. Внутреннее судебское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам / Е.Д. Горевой. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 136 с.
10. Тарасов А.А. Судейское усмотрение и мотивированность приговоров / А.А. Тарасов, А.Р. Шарипова // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11-2 (122). — С. 206–211.

Информация об авторах

Пашутина Олеся Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: law_kstu@list.ru.

Козьявин Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: koziavin@mail.ru.

Information about the authors

Pashutina, Olesya S. — PhD in Law, Associate Professor, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, 94 50th of October Str., 305040, Kursk, Russian Federation, e-mail: law_kstu@list.ru.

Kozyavin, Andrey A. — PhD in Law, Associate Professor, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, 94 50th of October Str., 305040, Kursk, Russian Federation, e-mail: koziavin@mail.ru.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые коллеги!

На кафедрах криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, а также уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета формируется очередной номер периодического научного издания *«Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения»*.

Журнал входит в систему РИНЦ!

Рубрики сборника: *Международные и конституционные основы уголовной юстиции, Уголовный процесс, Криминалистика, Судебно-экспертная деятельность, Оперативно-розыскная деятельность, Трибуна молодого ученого, Особое мнение, Страницы истории, Отзывы. Рецензии, Новинки.*

1. Приглашаем профессорско-преподавательский состав, докторантов, аспирантов к научному сотрудничеству! Научные статьи можно направлять по электронной почте: sib.crim.chtenija@mail.ru.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MSWord, 16 шрифтом TimesNewRoman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ — 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование — по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

3. Статья должна включать следующие элементы:

- сведения об авторе (ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и английском языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (**не менее 100 слов**), ключевые слова (5–6 слов) на русском и английском языках;
- код УДК;

– ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке;

– список использованной литературы (**не менее 10 источников**), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», помещается в конце статьи. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты, официальные документы, материалы следственной, судебной, экспертной практики указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся.

4. Для аспирантов, магистрантов, студентов к статье прилагается в отсканированном варианте рецензия научного руководителя с его подписью и печатью организации.

5. К опубликованию принимается материал, который при проверке по программе «Антиплагиат», показывает на менее 70 % оригинальности.

Образец оформления статьи

УДК 343.1

И.В. Смолькова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующего применение мер пресечения, показывается их сходство и различие, сопоставляются российские меры пресечения с аналогичными китайскими: личное поручительство и передача под поручительство до судебного разбирательства; наблюдение по месту жительства, подписка о невыезде и домашний

арест. Рассматриваются основания и условия применения мер пресечения по УПК РФ И УПК КНР. Анализируются проблемы применения залога в качестве меры пресечения. Дана характеристика заключения под стражу как меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, передача под поручительство до судебного разбирательства, личное поручительство, залог, домашний арест, наблюдение по месту жительства, заключение под стражу.

I.V. Smolkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA GOVERNING THE USE OF RESTRAINT MEASURES

The article gives a comparative analysis of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation and People's Republic of China governing the use of restraint measures, are shown together with their similarities and differences, are mapped to the Russian measures similar Chinese: personal guarantee and the transfer bail before trial; the observation of the place of residence, house arrest and house arrest. Considers the basis and conditions for the application of preventive measures in the UPK RF and UPK PRC. Analyzes the problems of applying bail as a preventive measure. The characteristic of detention as a restraint measure.

Keywords: restraint measure, transfer bail before trial, a bail, cash collateral, house arrest, surveillance by place of residence, detention.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [1]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [2, с. 49]. Текст статьи¹. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи². Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [3, с. 88].

¹ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12 февр. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Верх. Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 52 (в ред. от 9 февр. 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 8–12.

Список использованной литературы

1. Юань И. Сравнительное исследование мер процессуального принуждения по УПК РФ И УПК КНР / И. Юань. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — 136 с.

2. Муратова Н.Г. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел / Н.Г. Муратова, М.А. Подольский // Судья. — 2007. — № 5. — С. 48–52.

3. Рослов против России : постановление ЕСПЧ от 17 июня 2010 г. (жалоба № 40616/02) // Бюллетень ЕСПЧ. — 2010. — № 12. — С. 87–89.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kupik@bgu.ru.

Information about the author

Smolkova, Iraida V. — Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kupik@bgu.ru.

Выпуск подготовлен по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Постановление приговора: проблемы теории и практики», проходившей 30 ноября — 1 декабря 2016 г. в Юридическом институте Байкальского государственного университета

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-67625 от 10 ноября 2016 г.

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 80825

Журнал содержит научную информацию и знаком информационной продукции не маркируется

Полные тексты статей размещены на платформе
Российской универсальной научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Адрес редакции: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

e-mail: sib.crim.chtenija@mail.ru

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 29.03.17. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 6,9. Тираж 100 экз. Заказ.

Отпечатано в ИПО БГУ.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Распространяется бесплатно.